

ЛЮБОВЬ
ТАЙНА
ИНТРИГА

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНЦНА

ЛЕДЯНАЯ ДЕВА

Наталия Орбенина

Ледяная дева

«ЭКСМО»

2011

Орбенина Н.

Ледяная дева / Н. Орбенина — «Эксмо», 2011

Сочинитель сказочных пьес Феликс Нелидов зарекся влюбляться, так как три его жены погибли. Сказочник уверен: виноват именно он, ибо все три смерти произошли по сценариям написанных им сказок. Но вот на пути Нелидова возникает барышня Софья Алтухова. Между молодыми людьми вспыхивает страсть, затмевающая страх писателя за судьбу девушки. В тот момент он заканчивает пьесу «Ледяная дева», в финале которой героиня тонет подо льдом. И сюжет начинает сбываться! Правда, в самый трагичный момент Софью спасают. После такого поворота событий влюбленные понимают одно: злой рок здесь ни при чем. Ведь лед намеренно надкололи! И, похоже, сделал это человек из их ближайшего окружения!

© Орбенина Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталия Орбенина

Ледяная дева

Чужая душа – потемки.

Поговорка

Часть первая

Глава 1

«И только диву даешься, уважаемые господа читатели, как много в нашей жизни происходит такого, чего наш скудный разум не в состоянии понять. Вот именно для таких случаев и нужны эти самые колдуны, ведьмы, маги, прорицатели, знатоки столоверчения и заклинатели духов умерших. Заметьте, не учителя, не профессора и знатоки наук зовутся в толкователи, а именно эта мракобесная публика. Они как мухи на мед слетаются туда, где, на первый взгляд, рациональное знание отстывает. Однако же нам, поборникам просвещения, должен быть утешителен тот факт, что даже при самых явных признаках потустороннего присутствия всегда имеется некий незначительный шанс торжества здравомыслия и простого объяснения. Именно таким образом всегда и поступает небезызвестный следователь сыскной полиции Сердюков Константин Митрофанович. Нам уже доводилось рассказывать нашим читателям о таинственных и запутанных делах, которые успешно были разрешены господином Сердюковым. Между прочим, во многих из них чертовщиной и колдовством отдавало за версту, но после того, как за дело брался наш герой...»

Сердюков отбросил газету и поморщился. Какая глупость! И как, однако, неделикатно! Выставили его черт знает в каком виде, эдаким борцом с темными силами! Тьфу! Вот и пожинай теперь плоды подобной славы. Следователь подавил раздражение и снова со вздохом обратился к посетительнице:

– Стало быть, после прочтения этой газетной заметки вы и решили обратиться ко мне?

– А к кому же еще, сударь? – изумилась посетительница, полная, румяная женщина средних лет. – Рассудите сами, кто же меня слушать-то станет, решат – не в уме баба, да и кому такое перескажешь?

Женщина понурилась и поправила съехавший на лоб платок. Повисло молчание. Сердюкову страсть как не хотелось снова сделаться специалистом по распутыванию потусторонних чудес, коим он уже успел прослыть среди своих коллег и начальства. Эту славу он считал сомнительной, но, увы, несколько громких и странных дел, которые он вел, накрепко связали его имя с самыми загадочными и плохо объяснимыми событиями и явлениями.

Сердюков снова вздохнул, и на этот раз громче обычного. Женщина вздрогнула.

– Что ж, мне уйти, батюшка?

– Да нет, уж, коли пришли, давайте разбираться, что там приключилось с вашей барышней и что это за Синяя Борода такая.

– Да, так и сказала, что, мол, точно Синяя Борода! И упала. Так и лежит, бедная моя!

– А вы знаете, что такое «Синяя Борода»? – подивился следователь, который в далеком детстве почитывал жутковатые сказки французского сочинителя господина Шарля Перро. Простоватый вид его собеседницы не предполагал в ней начитанности.

– Знаю, сударь, как не знать, коли я моей барышне, деточке, Сонечке, книжечки все читала. Я ведь грамотная. А после, как подросла, она мне читала вслух по вечерам, так и раз-

влекали друг друга, особенно когда она сироткой осталась. Я ж ей и нянька, и кухарка, и горничная, и верный друг. Мы с Филиппом Филипповичем...

– Простите?

– Муж мой, Филипп Филиппыч, он в нашем доме за дворника, сторожа, швейцара и так, помощь на все руки. – Собеседница чуть улыбнулась при упоминании имени мужа, да спохватилась. – Втроем живем: барышня моя – Софья Алексеевна Алтухова, я при ней и мой муж. Я в этом доме всю жизнь, в барских покоях с детства росла. Замуж вышла, да за мужем подалась в Петербург. Он на фабрику устроился, да только не повезло ему – калекой сделался, без ноги остался. Я к барыне покойной в ноги кинулась, она меня опять к себе приняла, к девочке своей приставила. Вот я с той поры и при ней, служу ей верой и правдой, да и не служу даже, а как за родным дитя переживаю, своих ведь Господь не дал. А барышня наша прелесть какая! И статная, и милая, и образованная! А голос какой, заслушаешься! Она в училище для девочек служила, начальство ее очень было довольны. Одно было плохо, нет жениха достойного, и все тут! Словно у господ глаз нету! Словно не видят, какое сокровище пропадает! Она, моя птичка, так и сидела в девушках. Я все убивалась, все Бога молила послать ей жениха достойного, чтобы мне, ежели помру, так не стыдно было перед ее маменькой на том свете предстать. Так, поди же ты, все нет и нет!

Я ей, Сонечке-то, говорю, дитя, век бабий недолог, пропадет краса и молодость. А она мне, что на роду написано, тому и быть! Не буду я сваху просить мужа мне искать! Гордая! Да, к слову сказать, в нашем городишке и искать-то было негде. И некого. Все женихи наперечет. Есть, правда, некоторые, да очень уж никудышные. Так уж больно я надеялась, что она всякий раз, когда в Петербург к Толкушиным едет, так уж точно приглянется какому-нибудь порядочному человеку. Вон ведь, сколько народу по улицам ходит!

Женщина махнула рукой в сторону мутного окна кабинета следователя.

Да уж, и впрямь, много ходит. А сколько из них подлецов, низких и гадких личностей, мошенников, воров и убийц! Следователю это обстоятельство было известно лучше, чем кому-либо.

– Значит, ваша барышня Софья Алексеевна все эти годы проживала в городе Энке, в собственном доме, доставшемся после смерти родителей, служила в женском училище и дожила до опасного возраста, когда можно остаться в старых девах, и тут, по вашему рассказу, ей подвернулась чудесная партия.

– Да, сударь, именно так! Я и поверить не могла, что Бог услышал мои молитвы и послал нашей Соне такого завидного жениха. Как я надеялась, через Ангелину Петровну, благодетельницу Сонечкину, все и получилось. Она, моя радость, такая счастливая была, что мы с Филиппом Филиппычем сами плакали от счастья, глядя, как она вся светится. Я все поверить не могла. Жених-то наш и богат, имение наследовал в окрестностях Энска, и образованный такой; они все говорили, говорили друг другу что-то, смеются, перебивают, воркуют... И манеры такие приятные: обходительный, заботливый, и подарки носил чуть ли не каждый день. Весь город моей барышне завидовал. Мол, и чего это именно ей выпало такое немислимое счастье, ведь и помоложе девицы сидят, и покраше, и с богатым приданым, не то что моя девочка. А потом, смотрю, как будто свет потух, поникла Соня, с лица спала. Ходит сама не своя, ночью слышу, не спит, ворочается. Мается. Я с расспросами, а она мне: «Не мучай меня, Матрена Филимоновна, не знаю, что тебе и сказать, да только кажется мне, что сказке моей о принце пришел конец». Вдруг уехала, не было ее, потом является, белая вся, трясется, глаза круглые как блюдца. «Вот, Матреша, говорила я тебе, что сказке моей про принца пришел конец? Говорила? Так вот, не принц это оказался. Не принц, а самая настоящая Синяя Борода! Не алтарь меня ждет, не брачное ложе, а жуткая смерть, погост!»

Сказала так и упала. Мы насилу ее дотащили до кровати, водой холодной обливали, муж за доктором бегал. В горячке лежала, все бредила. Я этого бреда наслушалась... и сама чуть

с ума не сошла. Жених-то наш злодеем оказался ужасным! Прямо как в той страшной сказке. Соня, когда очнулась, я и спрашиваю ее, ты что такое говорила про господина Нелидова? Она в сторону смотрит, бред, мол, в горячке. Тут я испугалась еще пуще. Сделала вид, что к родне в столицу понадобилось, а сама к вам за помощью. Газетку вот схоронила, она и пригодилась. Насилу вас и нашла, не пускали меня, да только мне деваться некуда, некого просить о помощи. И возвращаться надо побыстрее, как она там без меня, мой ангел!

– А как жениха зовут? – уточнил следователь.

– Феликс Романович Нелидов.

– А чем занимается, не знаете?

– Как же не знать, знаю. Литератором представился. Соню мою этим пленил, они все о книгах да о стихах говорили. Он вроде как и пьесы пишет для театров, не знаю точно. Но происхождение у него дворянское. И наследство имеется порядочное.

– Наверное, иначе на какие же деньги он имение купил. Неужто на жалованье в театре или на гонорары? А, кстати, вы упоминали фамилию Толкушиных и имя благодетельницы некой Анжелины Петровны?

– Да, батюшка. Анжелина Петровна Толкушина. Она тоже из Энска. Родительский дом ее рядышком с нашим, садами соседи. Замуж в Петербург вышла.

– А мужа ее не знаете как звать?

– Господь с вами, сударь, как же не знать, коли барышня моя каждый год, да по два раза в этом доме гостила! – собеседница даже махнула на следователя полной рукой. – Тимофей Григорьевич Толкушин, купец, солидный человек!

– Толкушин! Тимофей Григорьевич! – обрадовался следователь и откинулся на стуле, потирая бледные длинные кисти рук. – Так-так! Славно! Славно!

Матрена Филимоновна смотрела на собеседника с непониманием: чего уж тут славного? Она многое знала о Тимофее Григорьевиче такого, чему не порадуешься.

– Странное совпадение, – рассуждал вслух следователь. – Знаете ли вы, что стряслось с купцом Толкушиным?

– Откуда же нам знать, сударь, мы далеко, в глуши, до нас вести не сразу доходят! – пожалала плечами собеседница, но как-то уверенности в ее голосе следователь не уловил.

– Он арестован по подозрению в убийстве своей любовницы, актрисы театра Изабеллы Кобцевой.

– Прости господи, доигрался! Седина в бороду, бес в ребро! Наказал бог! Наказал! – запальчиво воскликнула женщина и истово перекрестилась.

– Среди тех, кто служил в театре, упоминается и имя вашего таинственного господина Нелидова. Любопытное, однако, совпадение!

Следователь замолчал и задумался на несколько мгновений. Есть ли тут какая-нибудь связь? Придется побеседовать с этим странным литератором и с его возлюбленной.

– А теперь где Нелидов находится, в Энске?

– Не знаю, сударь, в том-то и дело, может, у себя в Грушевке, а может, он в Петербург подался. Только вы тут его и отыщите, да и арестуйте!

– Вот тебе раз! – изумился следователь. – Где же я его разыщу, и что я ему, с вашего позволения, скажу, на каком основании я его арестую? Нет, голубушка, уж коли вы пришли ко мне, так должны знать, что я за дело берусь обстоятельно. И если действительно в этой истории есть преступление, мы его будем расследовать. А для этого мне надо, по крайней мере, поговорить с госпожой Алтуховой. Так что в скором времени придется мне навестить ваш богом забытый Энск.

Когда Матрена Филимоновна ушла, переваливаясь с ноги на ногу, следователь отправился к родственнику, некогда служившему инспектором в Институте благородных девиц.

Хорошевский – так звали кузена – имел богатую библиотеку и чрезвычайно подивился, когда Сердюков попросил у него на некоторое время том французских сказок. Вернувшись поздно вечером в одинокую холостяцкую квартиру, Константин Митрофанович наскоро проглотил ужин, оставленный кухаркой, и устроился читать. Было уже далеко за полночь, когда сон и усталость сморили следователя. Лампа едва горела, фитиль коптил, на стене дрожали тени. Книга выпала из рук, глаза закрылись сами собой. Сердюков спал и во сне видел ужасного графа по прозвищу Синяя Борода. Полицейскому снилась молодая жена графа и замок с тайной комнатой, которую открыла любопытная женщина, а в ней находились тела прежних жен, которых граф злодейски убил.

Глава 2

Софья Алексеевна Алтухова была неприятно изумлена явлению в свой дом незнакомого высокого белобрысого мужчины средних лет, представившегося следователем петербургской полиции. Гостю пришлось долго ожидать в гостиной, пока хозяйка приведет себя в надлежащий вид. Софья Алексеевна приняла гостя в скромном домашнем платье, с наскоро убранными волосами. Нет, она вовсе не слыла неряхой, совсем наоборот. В Энке госпожу Алтухову видели если не в миленькой шляпке, то с идеально причесанной головкой, искусно уложенными светлыми волосами. Всегда затянутая в корсет, прямая и строгая, как учительская указка, она являла собой пример своим ученицам в женской гимназии, где преподавала и русскую словесность, и историю. В маленьком городишке, где все друг друга знают в лицо, где могут запросто явиться на дом родители учениц, сами ученицы или, не дай бог, гимназическое начальство, Софья Алексеевна не могла позволить себе быть неопрятной, не могла быть застигнутой врасплох. И посему, даже если она и вовсе не выходила из дома, то все равно была строга к себе, и отражение в зеркале оставалось самым непреклонным судьей.

И вот вдруг эта же самая Софья Алексеевна не выходит из дома, не принимает визитеров, лежит сутками напролет в постели, и Матрене Филимоновне со слезами и криком удается поднять барышню, чтобы хоть расчесать ее длинные косы. Так ведь и колтун скататься может! И что прикажете тогда делать? Неужто остричь, как тифозную?

Сердюков уже три четверти часа мерил гостиную шагами в ожидании хозяйки. Дом как дом. Таких много в русской провинции. Сдержанное благородство обстановки, за которым прячется очень скромный достаток. Портреты покойных родителей в деревянных темных рамах. Вышитая крестиком скатерть на круглом столе под абажуром. Деревянные стулья с высокими спинками чинно расставлены вокруг стола. Чуть продавленный диван с бархатными подушками и весьма приметными волосками кошачьей шерсти. На окошке фуксии и герань, кружевные занавески скрывают от любопытных глаз соседей жизнь этого дома.

Чуть скрипнула половица, следователь обернулся, надеясь, что это хозяйка. Ан нет, это хозяйский кот. Спокойно и важно, чуть хромая на переднюю лапу, большой серый кот, бесшумно ступая на мягких лапах, подошел к незнакомцу и едва прикоснулся к башмакам гостя, брюкам, шевеля усами и поглощая новые запахи. Сердюков поспешно отдернул ногу, как и многие мужчины, он не пылал любовью к кошачьему племени, да и собирать светлые шерстинки с одежды ему не хотелось. Кот посмотрел на него с недоумением и упреком. Что, мол, сударь, здороваться не желаете, брезгуете мною?

– Кисуля! Поди прочь, оставь гостя в покое! – раздался приятный женский голос. – Чем обязана, сударь?

Сердюков поклонился вошедшей даме. Госпожа Алтухова показалась ему чрезвычайно бледной и утомленной. Но ни синева под глазами, ни глубокая грусть, причина которой была следователю уже частично известна, не могли испортить миловидности ее лица. Нет, она не была красавицей, но все ее черты имели особую выразительность, которая присуща одухотворенным, думающим, глубоким натурам, подверженным сильным страстям и переживаниям. Серые глаза смотрели строго, по-учительски.

– Госпожа Алтухова, я следователь полиции из Петербурга, Сердюков Константин Митрофанович. В ваш маленький город я приехал в связи с делом об убийстве госпожи Кобцевой. Вероятно, вы осведомлены о том, что в ее смерти обвиняется господин Толкушин. А вы, как я теперь знаю, частенько гостили в доме Толкушиных, вели близкое знакомство с супругой подозреваемого, Ангелиной Петровной Толкушиной. Я исследую все возможные аспекты данного дела, история чрезвычайно запутанная. Позвольте задать вам несколько вопросов?

– Извольте, – Алтухова пожала плечами и села на диван. Следователь пристроился на стуле, обойдя деликатно кресло, предложенное хозяйкой, ибо там своим орлиным взором он заметил опять же кошачью шерсть.

Кот, как только хозяйка уселась, тотчас же прыгнул ей на колени и принялся с легким урчанием когтить ее платье. Софья Алексеевна гладила кота и безучастно смотрела на гостя. По всему было видно, что судьба мужа подруги оставляет ее равнодушной. Или Алтухова только старается показать, что происшествие с ним ее не трогает.

– Вы давно знакомы с Толкушиными?

– Да, очень давно. Собственно, с Тимофеем Григорьевичем я познакомилась после замужества Ангелины Петровны. А ее саму я с детства знаю, она до замужества жила тут, неподалеку, – собеседница кивнула на окошко.

– Вас и Ангелину Петровну связывает доброе приятельство, правильно ли я понимаю?

– Да, можно сказать и так. Но поначалу наше близкое знакомство возникло... – Софья Алексеевна замолкла, стараясь правильно выразить мысль. – Словом, госпоже Толкушиной понадобились мои услуги как учительницы.

– Для своего сына?

– Нет, для нее самой.

– Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать, – удивился следователь. – Зачем богатой купчихе, живущей в Петербурге, услуги бедной провинциальной учительницы?

– Видите ли, ситуация для Ангелины Петровны сложилась деликатная. И помочь ей мог только человек, на которого она могла полностью положиться. Я и оказалась таковой.

– Я полагаю, что репутация почтенной женщины не пострадает, если вы обрисуете мне, какого свойства ситуация?

– Что ж, если это поможет делу... Однако нам придется перенестись на много лет назад.

Молоденькая барышня Алтухова с наслаждением вдыхала запахи наступившего лета. Это было особенное лето, первое лето, которое она встречала взрослым человеком. Тяжелой холодной зимой она потеряла матушку и осталась совсем одна, если не считать няньку Матрену Филимоновну. Боль от потери по-прежнему терзала душу, слезы то и дело вскипали на глазах. Но что же делать, надобно жить дальше. Надо думать, как устроиться в этом неприветливом мире. И в этом же году она поступила на службу в гимназию для девочек. За плечами остался первый опыт учительства, первые разочарования и первые успехи. Наконец учебный год завершен, экзамены сданы, ученицы разошлись на каникулы. Наступил отдых и для юной учительницы. Теперь можно спокойно спать, не перебирая в голове все, что происходило за день в классах. Не заботиться о том, что говорить детям завтра на уроке. Не проверять их тетрадки до глубокой ночи. Можно просто спать, просто гулять в садике, просто читать для собственного удовольствия.

– Барышня! – раздалось за забором.

Соня вздрогнула. Горничная купцов Межениных помахала ей рукой.

– Барышня, не изволите ли пройти к нам? Наша молодая хозяйка вас спрашивают.

– Ангелина Петровна? – подивилась девушка. – На что я ей понадобилась?

– Не могу знать, приказывали позвать вас, и все тут.

Соня пошла к Межениным. Большой купеческий дом широко раскинулся вдоль улицы. Все тут говорило о состоятельности хозяев. Три этажа, парадное с колоннами, собственный выезд. Меженины слыли самыми богатыми купцами Энска. Единственная дочь Ангелина была просватана за столичного жениха Тимофея Толкушина и принесла с собой сказочное приданое, сделав молодого супруга одним из крупнейших петербургских купцов. Когда-то и Толкушины жили в Энке, да давно перебрались в столицу, дело уж больно бойко пошло. Но корней своих не забывали, вот и невесту сыну искали на родине, полагая, что столичные девицы слишком

испорченные и избалованные городской жизнью и нравами. Сыграли свадьбу, затем у молодых родился сын Гриша. Ангелина Петровна раз в год обязательно гостила у родителей, привозила им на радость внука.

Соня знала Ангелину Петровну по-соседски. Однако обедневшая дворянская семья сторонилась близкого знакомства с разбогатевшим купечеством, вышедшим из крестьянского сословия. Покойная госпожа Алтухова всегда была лишь сдержанно любезна, и Соня переняла от матери эту манеру, хотя Ангелина Петровна казалась ей очень милой и доброжелательной женщиной.

Толкушина ждала гостью в саду под старой раскидистой яблоней, где был накрыт небольшой чайный стол. Увидев гостью, молодая женщина поднялась и протянула навстречу руки.

– Милая Софья Алексеевна! Я так скорблю о вашей матушке! Дозвольте мне обнять вас и выразить вам сочувствие.

Женщины обнялись. Слова были произнесены с таким искренним чувством, что Соня чуть было не разрыдалась.

– Благодарю вас. Мне и впрямь очень тяжело, – вздохнула Алтухова.

– Молодой девушке опасно одной. Опасно и сложно жить, думать о хлебе насущном. Вам надобно скорее замуж, тогда муж будет защищать вас и заботиться о вас. Надеюсь, что это скоро произойдет. Вы такая милая, образованная барышня, от женихов отбоя не будет!

– Не знаю. Не уверена, – все еще расстроено ответила Соня. – Женихи теперь все больше на приданое смотрят! – сказала и тотчас же густо покраснела от своей бестактности. Ведь все в городе знали, что Толкушин прежде всего Ангелину за приданое и взял.

– Поверьте мне, милая, что деньги еще не всегда дают счастье в семейной жизни, – Ангелина Петровна не рассердилась на девушку и по-прежнему улыбалась доброжелательно. – Я уж знаю это наверняка.

Горничная принесла чай, пирожные, мадеру, и дамы уселись под деревом.

– Нынче будет много яблок, – Соня рассматривала ветки, ожидая, когда хозяйка заговорит о главном, о цели приглашения. Ведь не только соболезнования же высказать хотела?

– Вам приходится много трудиться, я слышала, вы в гимназии служите. Вас хвалят!

– Благодарю, – скромно потупилась Соня.

– Я, собственно, и хотела бы просить вашей помощи как учительницы.

– А разве ваш сын уже подрос и надо репетировать его к экзаменам в гимназию? – изумилась Соня.

– Нет, еще слава богу нет, но скоро понадобится и это.

Ангелина Петровна помолчала и поправила темно-русый локон, выбившийся из высокой прически. Она словно не решалась сказать.

– Дело в том... Дело в том, что учительница нужна мне, – выдохнула хозяйка и покраснела.

– Вам? – изумилась Соня.

– Именно что мне! Видите ли, – она, смущаясь, провела рукой по скатерти, – вы правильно сказали, что многие ищут богатства. Да только к богатому приданому не приложишь ума, знания, вкуса.

– Помилуйте, Ангелина Петровна, я не пойму, неужто вы о себе говорите? – Соня округлила глаза.

– Именно, что о себе, вот в чем беда! В гимназии науки одолевала с трудом, я не была первой ученицей. Для моих родителей главное было, чтобы я росла богобоязненной и скромной да почитала старших, воспитывали меня в старинном духе. Да что вам рассказывать, вы же знаете уклад нашего дома и нашего провинциального города. Мужа моего, Тимофея Григорьевича, и его мать, Устинью Власьевну, такая невестка, как я, очень даже устраивала. Сохраняется дух русских купеческих семей. И все было бы хорошо и славно, да только Тимофей Григорьевич

в последнее время увлекся меценатством. Деньги у него рекой плывут. А когда денег много, это для души опасно становится. Вот и решил он потратить на благое дело. Церквам жертвовал, монастырям, это как обычно. Но вот появились у него новые знакомые и потянули моего Тимошу туда, где он от роду не бывал. В театр! Оно, конечно, веселей, чем в храме божьем.

Толкушина вздохнула. Соня слушала хозяйку с недоумением. Тимофей Толкушин – меценат? Покровитель искусств? Вот диво дивное! И чего только в жизни не случается!

Ангелина Петровна продолжала:

– Поначалу занавес роскошный оплатил. Потом бархат для обивки лож и кресел. Зеркала, рояль для фойе. Много, много чего, всего я и не знаю. Но не о том. Не о деньгах, их не жалко. Нет, не о деньгах я.

Люди в нашем доме появились новые, необычные. Литераторы, музыканты. Актеров много. И все модные, одеты шикарно. И речь особенная, манеры такие свободные, движения легкие. Поначалу я все дивилась, когда их слушала. Часами сидела как зачарованная. А потом Тимофей-то мне и говорит, что, мол, ты, дорогая супруга, сидишь в гостиной, как рыба, глазами хлопаешь и двух слов сказать не можешь. Батюшки мои, тут-то я и поняла, что и взаправду – не могу беседу поддержать толком, чтобы так же легко и интересно было. И французский мой нехорош, а прочих языков я и не знаю вовсе. И книжек не читала тех, о которых они говорят, и пьес не знаю, в музыке ничегошеньки не смыслю, на инструменте одним пальцем играю. А потом другая беда. Гляжу, Тимоша мой снова, как туча. Что на сей раз, чем не угодила? Одеты не изящно, без вкуса. Ох, святые угодники! Как же так, ведь платья покупались самые дорогие, модные. Так ведь нет, опять нехорошо вышло. Смотрю я на дам театральных. И чего только на них нет, и как только они не разукрашены. Я вам, милая, и передать то не смогу, слов не найду. Тут тебе и перья, и кружева, и свежие цветы. А то и просто – главное украшение – голое плечо, спина, или, прости господи, почти вся грудь видна, каков вырез! Я же на себя такое надеть не могу, стыдно! Не могу порхать по гостиным и залам точно стрекоза или птичка божия! Вот и получилось, что я в собственном доме сижу, как пугало, мужа позорю. Знать, ему неловко за меня стало, что у него жена такая неотесанная. Так или нет, но перестал гостей к нам звать. В рестораны теперь едут, да по чужим квартирам. Свекровь моя мне уже всю душу вынула. Вот, говорит, сиди сиднем, так и лишишься мужа-то. Там вон какие красотки! Стало у меня на душе так тяжело, так тревожно! Долго я думала, что же мне делать? К Тимофею приступала. Чего от меня хочешь? А он сердится. Хочу, чтобы ты была такой же блестящей, как эти женщины, и все тут! Чтобы за твои слова, платья и шляпы мне не краснеть и не слышать смешки и шушуканья за спиной. Плакала я от обиды, признаюсь вам, Софья Алексеевна. Горько плакала. Обидно, когда любимый супруг такое говорит! Ведь я так старалась угодить ему и свекрови, старалась сделаться идеальной женой и матерью. И совсем не предполагала, что вот такое понадобится. Словом, после долгих слез и раздумий и решила я летом, когда буду далеко от супруга, учиться всему, чего мне не хватает. Кого просить? Кому признаться в такой неприятности? Вот, к вам обращаюсь за милостью, уповаю на ваш благородный характер и доброту вашу.

Толкушина снова вздохнула и напряженно ждала ответа. Соня долго не могла опомниться и, наконец, произнесла:

– Сударыня! История ваша повергла меня в удивление и печаль. Что и говорить, для вас положение унижительное. Но коли вы просите меня помочь вам, я вам отвечу, что для меня это большая честь, и я приложу все свои усилия, дабы это сделать!

– Господи, благослови вас! – воскликнула Ангелина Петровна. – Я знала, что вы славная девушка, что вы не откажете мне! Я не обижу вас в вознаграждении! И я постараюсь стать самой прилежной вашей ученицей!

На том и порешили. И с этого дня Софья Алексеевна зачастила к соседям. Зачем она туда ходит, Соня на первых порах скрывала даже от Матрены.

– И что там вам, медом намазано? – ворчала нянька. – То, бывало, всего раз в год зайдут к Межениным, а теперь, почитай, каженный день! И чего вы туда и что вам там? – не унималась Матрена, которая совсем не привыкла, что у ее любимицы есть от нее тайны.

– Полно, Матреша, не сердись, не моя это тайна.

– Господи Иисусе! Какие такие тайны? И к чему вам чужие тайны?

Причитала, причитала, и, наконец, Софья поведала няньке свой секрет.

– Учиться? Французский? Историю с географией? Книжки читаете? Диво дивное! Ну да ладно, лишь бы деньги платили, а в ученье ничего плохого нет!

Лето пролетело быстро. Так же быстро продвигалось ученье Анжелины Петровны. И очень скоро между ученицей и учительницей возникла нежная дружба, несмотря на то что Толкушина была старше Алтуховой на десять лет. Конечно, поначалу обе стеснялись, краснели. Софья Алексеевна боялась быть требовательной, боялась указать ошибки, обидеть Анжелину Петровну. Но потом дело потихоньку пошло на лад.

Осенью Толкушина вернулась в Петербург. Софье было жаль расставаться с ученицей, которая так скрасила ее одинокое лето. И вот однажды из столицы прибыл конверт. Анжелина Петровна писала Соне по-французски:

«Милый друг, Софья Алексеевна! Да, именно милый друг! Теперь, когда нас разделяют версты, я понимаю, что нашла в вашем лице близкого друга и товарища. Только вы понимаете меня так, как я сама. Дозвольте не прерывать наших занятий, дозвольте писать к вам и просить ваших советов...»

Соня была потрясена письмом, правда, тотчас же отметила несколько ошибок. Она ответила восторженным письмом, и между молодыми женщинами завязалась бурная переписка. Чего тут только не было! На листочках писем, которые регулярно летели в Петербург, Соне пришлось выступать модисткою, швеей, кухаркой, учителем светских манер. Но это не составляло труда для девушки. Ведь родители воспитывали ее как должно, как истинную потомственную дворянку. И то, что было ей свойственно с детства, пришлось теперь преподавать другому человеку.

Пришла зима, Соня с нетерпением ждала приезда своей ученицы. На сей раз она заявила Анжелине Петровне, что искренняя дружеская приязнь не позволяет ей брать жалованье за уроки. И тогда Анжелина Петровна предложила:

– Дорогая Софья Алексеевна! Я слишком высоко ценю ваш труд и вашу искреннюю помощь мне! Как я могу не желать вознаградить вас! Если вы не хотите денег, то тогда позвольте мне предложить вам мое гостеприимство, мой дом в Петербурге открыт для вас!

У Софьи даже дух перехватило от счастья! Она окажется в Петербурге! Будет жить в богатом доме Толкушиных! Увидит писателей и актеров! Будет сидеть в ложе театров! Прокачнется на роскошном выезде по Невскому проспекту! Девушка запрыгала от радости и обняла Анжелину Петровну. И в ту же зиму, на Рождество, она в сопровождении верной Матрены Филимоновны и Филиппа Филипповича отправилась в сказочный Петербург.

Глава 3

Столица встретила юную провинциалку громадинами дворцов, фонарями на улицах, бескрайней широтой проспектов, по которым мчались лихачи, и под их стремительными полозьями скрипел снег. Над замерзшей Невой сверкал шпиль Петропавловской крепости. По тротуарам двигалась нарядная публика, дамы кутались в меха, спешили конторские служащие, чиновники. Магазины и лавки ломались от товара. Сновали приказчики, мальчишки – разносчики газет, торговцы вразнос. Голова закружилась от впечатлений, от многолюдья и многоголосья.

Большой дом Толкушиных на Сергиевской улице поразил Софью пышностью и нарочитой броскостью обстановки. Тут теснилась и тяжелая мебель красного дерева, так любимая прежним поколением семьи, и новая, более легкая, на тонких ножках с гнутыми спинками из светлого дерева. Великолепные комоды, столы и столики, буфеты и многочисленные стулья вперемежку с диванами и креслами, зеркала в бронзовых рамах, огромные кадки с комнатными цветами. Все это обступило Соню со всех сторон. Она неловко стояла посреди комнаты, не решаясь присесть ни на стул, ни на диван, обтянутые тканью с яркими набивными цветами. Эти цветы казались гостье настолько несоразмерно яркими по сравнению с рядом стоящей прочей мебелью, что хотелось зажмуриться. Хозяйка со смущенной улыбкой провела гостью по парадным комнатам, она почувствовала, что убранство ее дома неприятно поразило подругу, но не могла понять, что именно нехорошо. Спросить не решилась, а гостя, разумеется, поспешила придать своему лицу соответствующее выражение, чтобы не обидеть хозяйку. Ангелина Петровна вывела Соню во двор, пройдя через который, они очутились в маленьком уютном флигеле. В этом небольшом домике, напоминавшем ей собственный дом в Энске, Соня и поселилась вместе с нянькой и ее мужем. В тот же день произошло знакомство с остальными членами семьи Толкушиных. Первым перед гостьей предстал маленький Гриша. Кудрявый и веселый мальчик сразу приглянулся девушке, и между ними тотчас же установилась дружба. Но вот с его отцом Тимофеем Григорьевичем не получилось ни дружбы, ни даже видимости дружеской приязни. Не заладились отношения сразу же, с первого мгновения.

«Какой грубый, неделикатный, резкий...» – таковы были впечатления девушки от хозяина дома. Высокий, с громким голосом, порывистыми движениями, он испугал ее. Ей захотелось сжаться и сделаться невидимой в тот момент, когда он впервые уставился на нее.

«А это что еще за курица?» – говорил его взгляд.

– А, вот, значит, наша учительница прибыла! – насмешливо приветствовал Толкушин гостью. – Что ж, рады, милости просим. Мне давно любопытно было на вас поглядеть, что же это за такая девица, которая на каждый вопрос моей супруги имеет ответ.

– Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено, – спокойно и с достоинством ответила Софья, хотя видимость спокойствия и самообладания дались ей с трудом.

– Отчасти, – усмешка не сходила с уст Толкушина. – Я, признаться, ожидал более яркого оперения чудесной жар-птицы.

– Яркость перьев не всегда подразумевает чудного голоса. Вот павлины, какое чудесное оперение, а пенье – суцкая насмешка. В то время как скромный серый соловушка заливается ангельским голосом. Не так ли? – Соня совсем оправилась от смущения и спокойно смотрела Толкушину в лицо.

Широкие изогнутые брови, складка между ними, резкие очертания рта, массивный подбородок. Несомненно, Тимофея Толкушина можно было отнести к привлекательным мужчинам. Только сердитое выражение глаз и постоянная усмешка, которая кривила полные губы, портили эту привлекательность.

– Ах, Тимоша! – поспешила вмешаться Ангелина Петровна. – Вечно ты за свое! Вы уж простите его, Софья Алексеевна! Это он не со зла, это он всегда насмешничает! Особенно, когда ему новый, незнакомый человек на зуб попадает!

– Сдается мне, что наша гостья являет собой образчик высокого ума, а также острого языка. Чему вам, моя дорогая, неплохо бы и поучиться! – промолвил супруг и зажег папиросу.

Ангелина Петровна порозовела от неловкости за бестактность мужа и поспешила пригласить гостью к столу. К обеду вышла и Устинья Власьевна Толкушина. Полная, грузная старуха с одутловатым лицом, в широком платье и старомодном чепце, она всем своим видом давала понять, что присутствие в доме посторонних людей ей не по душе и что затея с ученьем снохи тоже баловство и суета. Смешно замужней женщине, матери семейства, чему-то там учиться. А уж коли мужу не можешь угодить, так тут ученьем не поможешь. А где уж угнаться за этими расфуфыренными дамочками. И путаться с ними – сущий грех. И театр этот – бесовщина... И прочая, прочая, прочая...

Слушая это брюзжание, Софья про себя изумлялась, как подобное можно терпеть день ото дня и при этом не растерять любви к дому, к мужу, оставаться приветливой и жизнерадостной, каковой казалась Ангелина Петровна. Да к тому же, как можно столь неприязненно помыкать невесткой, словно она бесприданница, нищенка, взятая из милости?

Семейный обед оставил много впечатлений. Собираясь ко сну в своем флигельке, Соня подробно описывала Матрене всех членов семейства и их взаимоотношения. Матрена расчесывала волосы барышни и охала.

– Вот ведь как! Ну, надо же! Тимофей Толкушин как в силу вошел! А ведь поначалу он в дом Межениных чуть ли не на полусогнутых ногах входил, трепетал от почтения к их богатству! А теперь, поди-ка ты, Ангелиной Петровной помыкает! А сами-то они, Толкушины, знаем, знаем, из какой тьмы египетской вылезли! Да! Вот оно, богатство-то! А ведь какие посулы делал, когда в женихах ходил, все о любви толковал.

– А тебе откуда знать про это? – улыбнулась Соня. Можно было и не спрашивать. Нянька все про всех в городе знала, большая любительница досужих разговоров, слухов и сплетен. Иной раз и из дома не выходит, а ей уже последнюю новость сорока на хвосте принесла.

– Как же мне не знать, коли ихняя горничная Филиппу моему троюродной племянницей приходится.

– А как ты думаешь, Матреша, брак этот действительно по любви совершался или только из-за денег? – Соня поморщилась, гребень застрял в волосах.

– Кто ж знает! Браки-то все на небесах творятся, да только нам не всегда понятны помыслы Божьи, – нянька вздохнула и перекрестилась. – Спаси и сохрани нас, рабов божьих!

– Что ты-то вздыхаешь! – засмеялась девушка. – Тебе-то уж все ясно с Божьим промыслом! Души не чаешь в своем муже.

– Это правда, – в голосе Матрены послышались ноты удовольствия и умиротворения. – Хоть он у меня и на деревянной ноге, но я своего Филиппушку не променяю ни на здорового, ни на молодого, ни на красавца писаного. Ни на богача, ни на кого. Он у меня один на белом свете, и я у него одна.

В это мгновение за дверью послышался осторожный скрип и постукивание.

– Ах, ты, старый хрыч безногий! Подслушивать разговоры барышни!

Матрена стала красная от негодования и смущения, что муж услышал ее последние слова. Как у многих простых людей, ее любовь была немногословна, она стеснялась, да и не умела выразить чувства словами. К чему говорить, коли и так все ясно! Матрена Филимоновна метнулась в коридор, и до Сони донеслись звуки домашней расправы.

– Полно, что разбушевалась-то! Не подслушивал я, случайно вышло. К барышне шел спросить, не надо ли к ночи еще протопить, комнаты такие стылые! – гудел Филипп Филиппович.

Соня улыбалась и убирала волосы на ночь. Смешно, всегда ссорятся, но так, понарошку. И тоже, любовь! Девушка опустила руки и замерла перед зеркалом. Какая ей выпадет судьба, где она повстречает свою любовь? Когда же, когда ее душа наполнится божественным светом неземного чувства? Софья мечтала о любви, впрочем, как все барышни в ее возрасте. Ей грезились жених, но какой он будет, она не могла представить. Знала только одно. Это должен оказаться человек необычный, яркий, словно звезда. Такого в Энске не сыщешь. Сердце подсказывало, что Петербург явился ей не просто так. Именно тут ей и суждено, наконец, встретить свое счастье. А то, что великая любовь и счастье – вещи часто несовпадающие, совершенно не приходило в юную голову.

Воротилась Матрена.

– Вот ведь какой подлец! Ну, я ему еще задам! – она погрозила кулаком двери.

В дверь просунулась голова виновника битвы. Муж Матрены был невысоким худощавым мужичонкой, с деревянной ногой и хитрой живой физиономией. Вместе со своей полной, крепкой, розовошкой, вечно шумной женой они составляли довольно комичную пару.

– Так топить еще али как? Барышня? Не зябко вам тут будет?

– Топи, топи, дрова, чай, хозяйские, нам, стало быть, задарма будет! – провозгласила Матрена, увидев тень сомнения на лице молодой хозяйки. – Не разорятся!

Филипп ушел. Соня улеглась в кровать. Матрена Филимоновна уже дошла до двери, как вдруг хлопнула себя по лбу.

– Вот ведь, баранья башка! Самое главное-то и забыла!

– Что забыла? – изумилась Соня.

– Как что! На новом месте спать будете, так надо перед сном сказать: «Сплю на новом месте, приснишь жених невесте!»

– А сбудется?

– Как не сбыться? Проверенное средство! Доброй ночи, дитя мое! Храни тебя Бог! – нянька перекрестила девушку и вышла.

Соня торопливо закрыла глаза и произнесла заклинанье.

Сон овладел ею сразу. Вернее, она даже и не поняла, что уже спит. Поэтому она очень удивилась, когда вдруг увидела себя в просторной комнате, заставленной шкафами с книгами. Книги стояли рядами на полках, громоздились пыльными кучами на стульях, в углу дивана и просто на полу. За массивным письменным столом спиной к ней сидел мужчина в темном капюшоне и что-то торопливо писал. Он не поднял головы при ее появлении и еще ниже склонился над рукописью. Она знает, это ее муж, ее обожаемый избранник. Она не должна ему мешать, сейчас она уйдет, вот только слегка коснется плеча, чтобы ощутить его тепло, и сразу уйдет. Медленно Соня касается плеча мужа, по его телу пробегает дрожь. Она поспешно покидает кабинет и слышит, как он нагоняет ее, подхватывает на руки и несет в спальню. Все тело замирает, сердце колотится. Соня хочет обнять мужа за шею, прикоснуться губами к его щеке, но мешает глубокий капюшон, он не дает ей увидеть любимое лицо избранника. Супруг опускает ее на постель, она проводит рукой по шелковому покрывалу и вдруг понимает, что тут еще кто-то есть. В ужасе она отгибает одеяло и видит, что в постели лежат три мертвые женщины. Они молоды и, наверное, были прекрасны, но теперь смерть изуродовала их лица. Лицо одной разбито в кровь и вытек глаз, на шее другой виднеется что-то вроде веревки, ее посиневший язык вывалился изо рта, третья распухла и покрылась трупными пятнами...

Даже будучи ребенком, Соня так не кричала во сне. Она вскочила и разметала постель, собираясь бежать прочь от чудовищного кошмара. Матрена, спавшая неподалеку, немедля появилась в дверях со свечой в руках. По коридору спешно скрипел деревянной ногой Филипп Филиппович.

Соня, захлебываясь словами, торопилась рассказать кошмарный сон, чтобы скорее избавиться от ощущения ужаса, стоявшего в груди ледяным камнем.

– Что же будет, что значит этот страшный сон, Матреша? А вдруг и впрямь сбудется? Что это, что? – девушка уткнулась в грудь няньке, чтобы, как в детстве, найти в ней покой и защиту.

– Полно, ягодка, полно! Ничего это не значит! Да мало ли что я скажу, баба деревенская! Всякое привидится! С дороги устали, покушали с аппетитом, да натоплено было, душно, вот и мерещится всякая дрянь! Спи, деточка!

Матрена Филимоновна дождалась, пока ее любимица успокоилась и задремала вновь. Она перекрестила девушку и вознесла Господу молитву. Дурной сон не шел из головы. Надобно завтра окропить все святой водой.

И Матрена, зевая и кивая всклокоченной головой, пошла спать.

Глава 4

Следователь петербургской полиции Константин Митрофанович Сердюков уже битый час кружил в квартире Кобцевой Изабеллы Юрьевны, убитой барышни двадцати шести лет. Большую и роскошно убранную квартиру нанимал для себя и своей любовницы богач, меценат и купец первой гильдии Толкушин Тимофей Григорьевич. Осмотр комнат убеждал, что Толкушин не просто нанимал квартиру для своей содержанки, но и сам жил здесь как дома. Повсюду находились его вещи, и располагались они так, словно их и не собирались никуда убирать или уносить. Все это подтверждало слова Толкушина о том, что он всерьез собирался оставить жену, потребовать развода и жениться на примае частного театра «Белая ротонда», которому он щедро жертвовал из своих барышей.

Убитую обнаружила горничная. Утром она постучала в спальню хозяйки и, подождав немного, вошла, как делала это обычно. В комнате стоял полумрак. Женщина раздвинула тяжелые шторы, и только с яркими лучами света она увидела страшную картину. Молодая хозяйка лежала на кровати, странно вывернувшись. Постель была залита кровью. Следы крови виднелись повсюду, даже на роскошном букете орхидей, стоявшем около постели. Убийца, вероятно в спешке, опрокинул напольную вазу. Она упала, часть хрупких цветов обломилась. Искороченный букет и растерзанная хозяйка. Горничная закричала и бросилась вон. Толкушина на тот момент уже в квартире не было. По словам горничной, на сей раз он почему-то покинул любовницу накануне вечером, куда пошел, не докладывая. После его ухода горничная не заходила к хозяйке, та ее не требовала звонком, как часто бывало. Поэтому, была ли она жива вечером или нет, горничная не знала, так как была отпущена на ночь. Прибывший со следователем полицейский доктор осмотрел жертву и категорично заявил, что женщина, несомненно, была убита либо поздно вечером, либо ночью, но никак не утром. Ее зарезали ножом, который вошел глубоко под грудь. Вероятно, она была жива какое-то время и пыталась вытащить нож, дотянуться до шнурка звонка, но не успела. Этим объясняется ее поза, поза человека, не успевшего сделать последнее движение и замершего на лету. Хотя чего звонить, если прислуга отсутствует?

Подозрение пало на Толкушина, которого арестовали в его конторе, куда он явился под утро, навеселе, невыспавшийся и злой. Арестованного купца привезли прямо в квартиру жертвы. Сердюков хотел провести допрос по горячим следам, надеясь, что эмоциональное потрясение, вызванное видом собственного злодея, заставит душегубца раскаяться. Но расчеты следователя не оправдались.

Тимофей Толкушин, казалось, не поверил арестовавшим его полицейским, что с его любовницей стряслась такая беда. Или притворился, что не поверил, или винные пары мешали ему осознать происходящее. Но, так или иначе, пока не доехали до места преступления, арестованный пребывал в относительном спокойствии духа. И только переступив порог спальни, которую он покинул накануне вечером, и увидев окровавленное тело актрисы, он закричал и повалился на эту постель, как раненый медведь. Горе его было столь оглушительным, что он не мог отвечать на вопросы, и пришлось на какое-то время оставить его в покое.

Прошло более часа, прежде чем следователь смог, наконец, допросить Толкушина. Купец сидел на стуле и мерно раскачивался. То и дело он принимался терзать свои волосы и бороду, желая, по-видимому, их выдрать, чтобы уменьшить боль душевную, причиняя себе боль физическую. Иногда он что-то мычал. А потом снова принимался мотать головой и стонать.

Сердюков приступил к допросу со всем тщанием и напористостью, но как он ни старался, ему не удалось осуществить свой план и вывести преступника на чистую воду тут же, подле тела убиенной жертвы. Потрясение Толкушина было велико, но не настолько, чтобы он совсем потерял разум и оговорил себя. Совсем наоборот. Сквозь сдавленные рыдания он твердо заявил

следователю, что, когда он уходил от Изабеллы в одиннадцатом часу вечера, она была жива, здорова вполне, весела.

– Сударь, судя по тому, что вы мне уже рассказали, ваши отношения с госпожой Кобцевой носили достаточно глубокий характер, настолько глубокий, что ради нее вы собирались покинуть супругу, с которой прожили более двадцати лет в мире и согласии?

– Да. Именно так, – последовал глухой ответ.

– И вы жили в этой квартире постоянно.

– Почти, во всяком случае здесь я ночевал в последнее время чаще, нежели в собственном доме.

– А почему именно в этот вечер вы решили вернуться ночевать домой и не остались с Изабеллой?

– К стыду моему, я по-прежнему еще женатый человек... моя жена не совсем здорова... она, она... Словом, я должен был быть дома.

– Изабелла знала об этом?

– Разумеется, я ничего не скрывал от нее.

– А от жены?

Толкушин погрузился в мрачное молчание.

– Ваша жена знала о романе с госпожой Кобцевой?

– Как не знать, знала, – через силу вымолвил собеседник.

– И как она относилась к данному факту?

– Как? Как? Вы словно насмехаетесь, задавая подобный вопрос! – взъерепенился Толкушин. – Да она же жить без меня не хотела... она же...

Толкушин вдруг замолк, в нем появилась настороженность.

– А ваша жена где находилась в это время? Вы видели ее вечером вчерашнего дня?

– Нет, мы не виделись.

– Но ведь вы ушли от Изабеллы, чтобы повидаться с женой, что же помешало вам?

– Моя жена покинула Петербург. По понятным причинам, она не могла находиться в городе, ей все было слишком тяжело. Я собирался писать к ней, послать за ней человека, чтобы немедленно возвращалась.

– Скажите, а кто еще заходил в этот дом, кто мог посетить Кобцеву после вашего ухода?

– Кто мог посетить? – Сердюкову показалось, что пламень ревности метнулся в глазах купца. – Она жила нараспашку, многие приходили, ведь она человек театра, не монастырка! Но она не могла никого принимать на ночь глядя, без меня!

– А вы какие папиросы курите? – поинтересовался следователь, заметив, что собеседник потянул из кармана серебряный портсигар и нервно закурил.

– «Дукат».

– Нет, это, пожалуй, не «Дукат», – следователь вынул из кармана небольшой окуроч, найденный двумя этажами ниже квартиры убитой. – Что ж, сударь, пока ясности в этом вопросе нет никакой. Вы оказались последним человеком, который видел Кобцеву живой. Ничего не хочу пока утверждать, но вынужден взять вас под стражу как подозреваемого в убийстве.

– Как я мог ее убить, если я ее безумно любил! – вскричал купец.

– Поверьте мне, сударь, поверьте моему опыту, данное обстоятельство иногда и является основным, решающим мотивом убийства!

Глава 5

Дверь хлопнула, замок лязгнул, и повисла тишина. Тимофей Толкушин в изнеможении присел на единственный находящийся в его распоряжении стул. Все, что с ним происходило, воспринималось как дурной затянувшийся сон, сон после глубокого похмелья, когда и впрямь привидится черт-те чего. Негодование от чудовищного подозрения и боль утраты одновременно вгрызались в его душу и рвали на части. И в этих страданиях совсем не оставалось места для еще одного существа, для его нежной и преданной жены Ангелины Петровны, о существовании которой он почти забыл в эти мгновения. Словно и не было ее вовсе, словно не прожили они бок о бок двадцать один год. А ведь он был влюблен. Ох, как влюблен, когда сватался! И не лгал, и не кривил душой, когда шептал юной купеческой дочке о своем чувстве, которое поглотило его сразу, вмиг, как только он увидел девушку.

В Энск Тимофей поехал под напором отца, именно тот и высмотрел сыну невесту в родном захолустном городишке. Манило огромное приданое, с которым можно было начать новое дело, развернуться во всю ширь. Поэтому Тимофей, как человек деловой, решил, что, если даже невеста и не придется ему по душе, он не станет перечить отцу и женится. Но стоило Тимофею увидеть робкое существо с трогательной смущенной улыбкой, ясные голубые глаза, светлую косу почти до полу, так он и замер. Мысли о приданом уже не посещали его голову. Да он такую лапочку и вовсе бы без денег взял!

Юная Ангелина, которую родители держали в строгости и взаперти, при виде такого молодца, каковым предстал перед нею будущий суженый, и вовсе чуть рассудка не лишилась. Кого она знала до этого? Замызганные приказчики из лавок отца? Заезжие покупатели? Местных женихов и вовсе на порог не пускали: прочь, мелюзга эдакая! Солидных же людей не доводилось привечать до сего дня. И тут вдруг такое счастье, красавец, из купеческих, молод, и деньги имеются. В Петербурге живет, манеры культурные, городские, одет по-модному: прическа, шляпа, сапоги. А речи, господи, боже ты мой, какие речи, какие слова красивые! А как глаза-то блестят, и весь дрожит! С чего бы это? Или это ее саму колотит и трясет?

Молодые люди не скрывали своих чувств, да это и сложно было сделать. Ведь девушка никогда не находилась одна, то с матерью, то с няньками, с прислугой. Жених приходил каждый день, приносил цветы и подарки. Подолгу сидели за столом, пили чай, вели чинные беседы. Тимофею отчаянно хотелось вскочить, схватить Ангелину в объятия и целовать, целовать до изнеможения. Но он должен был чинно-благородно прислушиваться к разговору старших, вставлять нужное слово и поддакивать там, где требуется. Ангелина же и вовсе порой двух слов не молвила, а только улыбалась иногда. Но от этой улыбки у молодого человека голова кругом шла.

Сговорились, назначили день свадьбы, и завертелось. Ангелина жила как в угаре. Те дни она не помнит совсем, как человек в белой горячке. И венчание уплыло из памяти. Помнит, что платье из брабантских кружев было пышное и тяжелое, корсет тугой, сдавливал грудь, мешал дышать. А внутри билось счастье, рвалось наружу. И выплеснулось широкой волной. Муж, а потом и родившийся сын Гриша стали для Ангелины божествами, которым она истово поклонялась. Ее любовь казалась безграничной, сумасшедшей. Ради ненаглядного Тимоши она стоически сносила дурной нрав свекрови, которая полагала, что молодая невестка слишком юна и неопытна, поэтому надлежит ее поучать денно и ночью, на каждом шагу. Как дом вести, как сына растить, как мужа любить.

Особенно злило старуху неумение молодой женщины воспитывать свое чадо. Что это за воспитание – поцелуй и слезы, слезы и поцелуй? Самое страшное наказание для нашалившего ребенка – укоризна матери или ее расстроенный вид. Да разве этих маленьких извергов проймешь подобным! Лучший воспитатель – розга! Вот она, как строгая и справедливая мать,

своего Тимошеньку розгами секла, почитай, чуть ли не каждый день. Как нашалит, так скидай штаны! Сама порола! У нее розга всегда за зеркалом туалетного столика торчала, чтобы тут же под рукой оказаться. По субботам обязательно пороть, даже если и не провинился, так, загодя, на всякий случай. Для острастки и от избытка родительской любви. На Рождество среди прочих подарков Тимоша получал в подарок розгу и берег ее, чтобы мамаше удобней и сподручней было его лупить. Зато вырос каков красавец, каков молодец, на радость матери! Теперь она его розгами не трогает. Другой раз клюкой своей постучит, куда придется, хоть по спине, хоть по лбу. А Тимофей ничего, терпит. Уважает власть материнскую. Иногда только отклонится чуток, так клюка на пол скользнет. Или, ежели не в духе, на лету словит и к материной руке прижмет. Однажды только, когда уж больно загулял и себя не помнил от пьянства, Устинья Власьевна его принялась колотить клюкой, так он клюку-то схватил, да и поломал надвое. Зато когда проспался, другую раздобыл, к матери виниться пришел. Клюку протянул и голову наклонил. Вот, мол, мамаша, бейте, сколько хотите! Вот как надобно правильно воспитывать сыночка!

Свекор умер почти сразу после того, как молодые поселились в огромном родительском доме в Петербурге. Тимофей, получив дело отца и приданое жены, развернулся во всю ширь. Торговля его росла как на дрожжах, барыши множились.

Странное существо человек. Когда судьба не посылает ему удачи и каждый день сумрачен и не всегда есть кусок хлеба, он молит: Господи, хоть чуточку удачи, хоть немножко счастья, и с меня довольно! А когда все льется полной рекой, то и тогда человек недоволен. Много радости, много довольства, душа и тело жиреют от праздника жизни. Подступает тоска, метания, поиски смысла существования. Тимофей Толкушин в один прекрасный день вдруг ощутил, что ему чего-то не хватает. Он долго не мог понять, что за странная тоска наваливается иногда, чего не имеется? И не мог найти ответа. Его горячая натура жаждала острых перемен, лихорадки, борьбы, взлетов и падений. Но судьба чудесным образом берегла его и все преподнесла на блюдечке с золотой каемочкой. Дом – полная чаша, любящая жена, верный и преданный друг, сынок, наследник нажитого, здоровый и смысленный малый. Это благолепие вдруг стало поперек горла. Невыносимым и скучным вдруг стал теплый и радушный доселе дом. И Тимофей стал искать остроты жизни в стороне от семейного очага.

Ангелина была потрясена, когда супруг пустился во все тяжкие. Недели не проходило, чтобы по Петербургу не расходилась молва о пьяных кутежах Толкушина сотоварищи. «Какой купец без разгула?» – недоумевала старуха свекровь на слезы невестки. Но однажды все же даже выдавшая виды Устинья Власьевна, прождав сына несколько дней, вышла из себя и поколотила его своею клюкой как никогда. Тут уж и клюка сломалась, и сама старуха чуть не померла от расстройства, дергая сына за вихры. Через три дня Тимофей очнулся, и снова повторилась прежняя картина. Подарена новая клюка и получено отпущение грехов домашними. Устинья Власьевна только качала седой головой в старомодном чепце и крестила сыновний лоб с темными кудрями.

Ресторанное безумие схлынуло так же неожиданно, как и пришло. Тимофей опомнился и принялся замаливать грехи. Теперь он по воскресеньям стоял службу вместе со всей семьей, ездил на богомолья и жертвовал храмам и монастырям. Мать не нарадовалась, Ангелина снова светилась счастьем. И именно в это время в жизни Толкушина появился новый знакомец – Рандлевский Леонтий Михайлович.

Как иногда выглядит злая судьба, рок, неминуемое несчастье? Ангелина Петровна не могла себе представить, что иногда оно имеет вид изысканного молодого человека, облик которого до сих пор ей был знаком только по модным журналам. Таких людей она не знала, хотя полагала, что они встречаются на свете, коли о них пишут и говорят. Высокий, стройный блондин, гибкий как лоза, с глазами газели, мягким чувственным ртом, он был так красив, что в

первый момент Ангелина Петровна не нашлась, что и сказать. Она и не подозревала, что на свете живут существа мужского пола с такой странной, почти женской привлекательностью. Его манеры отличались особой вкрадчивостью и мягкостью, когда он говорил, точно кошка ласкала лапой ухо. Но эта сладость образа и речи, будучи женской, была бы восхитительной, в образе мужчины являлась странной, притягательной и отталкивающей одновременно. Нет, все же скорей притягательной.

Рандлевский оказался владельцем и режиссером маленького театра «Белая ротонда». Поэтому все его речи, все разговоры, которые теперь велись в гостиной, когда он оказывался у Толкушиных, касались тем, доселе неслыханных в этом доме. Новые пьесы, модные имена, литературные новинки, таланты актеров. Ангелина Петровна впервые с ужасом поняла, что не может в собственном доме за столом и слова вымолвить, чтобы не попасть впросак, не казаться сущей душой. К ее изумлению, муж брался рассуждать о том, о чем не ведал, с большой охотой и страстностью. Театр и впрямь вскоре овладел душой Тимофея Григорьевича. Надо отдать дань византийскому коварству нового приятеля, который оплел купца своим очарованием, лестью и потихоньку пристрастил Толкушина к своему детищу. Толкушин стал щедро жертвовать на процветание «Белой ротонды». Благодаря его деньгам, убогий театришко быстро превратился в один из модных и популярных театров столицы. Рандлевский мог приглашать к себе ярких артистов и платить им щедро, искать новые пьесы, иногда самого странного свойства, и создавать роскошные постановки. Постепенно «Белая ротонда» стала для Тимофея Толкушина таким же привычным и родным местом, как и собственная контора или магазины.

Замкнутый, сонно-спокойный мир купеческого дома рухнул, когда в нем стали появляться невиданные люди и слышаться неслыханные речи. Вот тогда Ангелина Петровна и ощутила с необычайной остротой свою нелепость, несуразность, необразованность. Раньше покупка обновки приносила ей удовольствие, теперь же выбор платья или шляпы превращался в сущую муку. Вдруг опять она покажется смешной, некрасивой, неэлегантной? Вдруг опять за спиной всколыхнется недобрый шепоток, и чей-то взгляд выдаст усмешку? А французские слова, которые, как назло, вылетают из головы именно тогда, когда их надо произнести? Ведь твердила же накануне! Боже праведный! И что за наказание такое! Куда бежать, у кого просить помощи?

И тогда в ее жизни появилась Софья Алтухова, учительница и спасительница.

Глава 6

Дело об убийстве девицы Кобцевой завязло, как сапоги в тягучей грязи. И, как ни старался Сердюков, ни тпру ни ну. Хоть тресни. Но Константин Митрофанович за долгие годы службы в полиции знал, что так бывает и нельзя поддаваться отчаянию, опускать руки. Надо дело делать, потихонечку, помаленечку, глядь, да и появится какая-нибудь зацепочка, штришок, закорючечка, выскочит деталька, которая все и прояснит. Как черт из табакерки. Надо только не зевать, а держать ухо остро, чтобы не прохлопать момента.

Но все же следователь нервничал, дело совсем не двигалось с места. Формально все улики указывали на злополучного горе-любовника Толкушина. Кто, кроме него, мог беспрепятственно попасть в квартиру, пройти по комнатам и зарезать жертву, которая находилась в своей постели? Однако профессиональный и житейский опыт подсказывал полицейскому, что все тут не так просто, что явность улик и является слишком подозрительным обстоятельством. И он кружил вокруг театра «Белая ротонда», допрашивал артистов и служителей, даже спектакли посещал. Никогда не знаешь, откуда выплывет истина и в каком обличье. А ведь артистический мир особый – мир зависти, интриг, профессионального лицемерия. Поди, разберись, где слезы всерьез, а где понарошку! Где борода и усы наклеенные, а где натуральные? Где чувства подлинные? А где наигранные?

Беседуя с актерской публикой, следователь с изумлением обнаружил, что благодетеля своего, купца Толкушина, они и в грош не ставят. То есть ценят, конечно, его деньги. Кланяются и благодарят, но за глаза презирают его сущность торгаша и провинциала, он среди них, как слон в посудной лавке. Деньги, разумеется, пусть жертвует. Во имя искусства их милостиво примут, но его самого не примут в свой изысканный круг, а если напористый меценат все же пожелает быть частью их богемной жизни, его пустят, но с легкой гримасой презрения на устах, смешком в спину, остроумным и злым словом за глаза. Выпьют его французское вино. Закусят икрой и балыком. Полакомятся устрицами, да и скажут нечто нелестное о хозяине или его жене. И все ради искусства приходится терпеть общество и подачки этих богатых пейзажников, этих грубых мужланов, которые возомнили себя королями жизни и полагают, что за деньги можно купить себе все! Э, нет, голубчик! Как бы ты ни был богат, а рыло-то твое все равно останется свиным, пусть оно хоть и позолоченное!

Сердюков даже мысленно пожалел Толкушина, его почти детскую наивность, которую он проявлял по отношению к своим друзьям от искусства. Его роман с примой Кобцевой артистические собратья обгрызли острыми зубками как могли. Дело в том, что Изабелла не так давно появилась в театре. Своим появлением она обязана исключительно самому Рандлевскому, который узрел девицу в какой-то затрапезной антрепризе. Театр застыл в изумлении, потому как изысканный вкус режиссера в данном случае почему-то дал сбой. Барышня имела мало сценического таланта, но проявила множество иных. Она обладала особым даром кружить головы мужчинам, и Толкушин стал ее главной добычей.

Хотя некоторые знатоки актерского ремесла с жаром уверяли Сердюкова, что типаж Беллы – так звали артистку между собою коллеги – идеально подходил к новым пьесам Нелидова, которые стали в последнее время очень популярны. Рандлевский просто помешался на этих пьесах, впрочем, он тонко чувствует желания и настроения публики, а публика валом валила в «Белую ротонду» на страшноватые сказки для взрослых, которые напоминали готические европейские сказки в переложении для русского человека.

С самим литератором встретиться не удалось – он почти неуловим: то живет в Германии, то в своем глухом поместье, нелюдим и замкнут. Вдовец. Появляется редко, только по случаю представления новой пьесы, а потом полностью отдает ее на растерзание Рандлевскому, который обязательно воплотит его фантазии блестяще.

Константин Митрофанович, верный своим профессиональным принципам, посетил несколько постановок в «Белой ротонде», одной из которых как раз и была пьеса господина сочинителя Феликса Нелидова. Вместо покойной Кобцевой главную роль исполняла другая актриса. Следователь услышал, как сидящие в соседней ложе зрители, видимо, почитатели театра и покойной примы, удрученно вздыхали, что роль померкла, нету мистического ощущения тайны, ужаса, не то, совсем не то... Однако же именно смерть несчастной и привела их снова на этот спектакль, именно чтобы сравнить, посмаковать. Жутковатая мрачная пьеса в свете произошедшей трагедии приобрела особый оттенок. В зале точно запахло кровью, и большая часть публики пришла именно на этот запах.

Пьеса показалась следователю скучной, надуманной и нарочито жуткой. Ему, человеку постоянно встречающему смерть и человеческие пороки, не надобно придуманных страшилиц. Жизнь подчас – самый ужасный автор. Тем не менее, вечером, в своей холостяцкой квартире, он поймал себя на том, что мысленно возвращается на сцену. И потом еще несколько дней образы пьесы не покидали его сознания.

Сердюков так долго и дотошно копался в жизни театра, что уже стал в нем своим человеком. Швейцар его встречал с поклоном:

– День добрый, ваше высокоблагородие! Пожалуйте, господин Рандлевский уже как с полчаса приехали, вас ждут, приказано проводить!

Однако ни долгие разговоры с режиссером и актерами, ни изучение обстоятельств жизни и смерти актрисы не приблизили полицейского к разгадке. И тут произошло то, на что он всегда надеялся в подобных случаях. На особое стечение обстоятельств, так сказать, «полицейское провидение». В один прекрасный день, воистину прекрасный, является к следователю странная баба, трясет старой газетой с дурацкой заметкой о нем самом и начинает нести околесицу о Синей Бороде. Сердюков уже приготовился выпроводить ее вон, как вдруг услышал знакомые имена. О, неужели зацепочка! Посмотрим, посмотрим, нельзя ли вытянуть что-нибудь существенное из бабьей белиберды?

И вот он уже в захолустном Энске. Маленький убогий городишко, плохие мостовые, грязь по колени, скука и тоска читаются на лицах не только людей, но даже лошадей и дворовых собак, которые не то лают, не то зевают. Небольшой аккуратный домик, здесь проживает барышня Алтухова, от которой может потянуться много разных ниточек для расследования.

– Сударыня, значит, ваша дружба с госпожой Толкушиной достаточна старинная, и вы, можно сказать, превратились в друга дома, как я полагаю.

– Да, можно сказать и так, – согласилась Алтухова. – Разумеется, на дружбу хозяина дома я никогда не рассчитывала. Его старая мать умерла несколько лет назад. Сын Гриша вырос и стал вполне взрослым человеком. Я и ему помогала справиться с учебным.

– Вы каждый год гостили в доме Толкушиных?

– Да, иногда я проводила с ними целое лето, а не только Рождество. Благодаря доброте и щедрости Ангелины Петровны моя жизнь стала иной, ярче, богаче на впечатления, на знакомства. Я увидела совсем иную жизнь, иных людей. Знаете, когда вы живете всегда в большом городе, а тем более в столице, то трудно себе представить, каково прожить всю жизнь вот в таком захолустье, как наш Энск. Тяжело, немислимо тяжело жить в этом замкнутом душном пространстве, особенно когда ты чувствуешь, что создан для иного мира, просторного, с массой света и свежего воздуха. А тут, взаперти, в этих маленьких комнатах, за этими занавесочками...

Молодая женщина задохнулась своими словами и горькими чувствами. Следователь молчал. Ему действительно трудно было понять, о чем толкует провинциальная учительница. В это время за дверями послышался шум ссоры, громкие голоса, и дверь распахнулась. На пороге

стояла взъерепенившаяся, как старая кошка, Матрена Филимоновна и молодой человек со злым и красным лицом. Сюртук его был расстегнут, галстук на шее съехал набок.

– Отпусти, отпусти немедленно, дрянь ты этакая! – незнакомец с силой рванул рукав сюртука, за который цеплялась нянька. – Вон ступай!

– Барышня, не пускала я его, ворвался как вепрь дикий! – завопила Матрена. – Говорю же вам, не принимают, больна еще! А он ни в какую, прямо сюда, бегом!

– Как же, поверю вам! – взвизгнул незнакомец. – Больна? А незнакомых мужчин принимаете, сударыня! Нет, я более подобного издевательства над собой не потерплю, я в полицию вас всех сдам!

– А вам, сударь, и утруждать себя не следует, – спокойно заметил Сердюков. – Полиция уже здесь. Позвольте представиться, следователь полиции из Петербурга, Сердюков Константин Митрофанович.

Молодой человек глотнул воздух и осекся.

– А вы кем изволите приходиться хозяйке дома? – поинтересовался полицейский, полагая, что если гость является так запросто, стало быть, не чужой в доме.

– Супругом, законным супругом, – выпалил молодой человек, как показалось Сердюкову, даже с каким-то сладострастным злорадством.

– Как супругом? – изумился полицейский.

Ведь по рассказу няньки он понял, что речь шла о таинственном женихе вроде как незамужней девицы. Стало быть, никакого мужа и быть не должно.

– Это что еще за шутки такие? – насунился Сердюков, обращаясь одновременно и к Алтуховой, и к ее няньке.

– Помилуйте, барин, какие уж тут шутки! – всплеснула руками Матрена Филимоновна. – Да я разве рискнула бы к вам в ноги кинуться, если бы не о жизни моей ненаглядной девочки речь-то велась. Чего о нем говорить-то, о муже энтот! – она презрительно махнула рукой в адрес обескураженного гостя. – О нем и разговору нет. Если бы стала вам о нем рассказывать, вы бы и на порог не пустили меня. Решили, вот, очередная беглая жена от своего мужа. Глупое дело, не стоит и внимания. Я ведь вовсе не о том, не о том, сударь!

«А она только выглядит простой да бесхитростной. Ай да баба, ай да нянька! И как ловко врала, как плела складно!»

– Я, госпожа Алтухова, признаться, ничего не понимаю. Может, вы мне разъясните?

– Да, разумеется, господин следователь, – произнесла Софья Алексеевна и посмотрела на Матрену испепеляющим взглядом, из чего следователь сделал вывод, что визит в Петербург нянька не обсуждала со своей госпожой, тот и вовсе против ее воли.

– Да, я муж Софьи Алексеевны, – продолжал с дрожью в голосе утверждать незванный гость. – Горшечников Мелентий Мстиславович.

– Правда, сударь, Мелентий Мстиславович говорит правду. Я венчалась с ним, но это не имеет ровным счетом никакого значения. Он мне не муж, и я ему не жена.

– Вот! Вот до чего дошла проклятая эмансипация! Вот оно, гнусное падение нравов! Где это видано! Бог ты мой, за что, за что мне такое наказание! Такой позор! – Горшечников принялся было рвать на себе жидкие темно-русые волосы.

– Полно, Мелентий, оставь свои волосы в покое, у тебя и так их немного, – почти равнодушно произнесла Софья. – И прекрати этот фарс, этот жалкий спектакль. Из тебя плохой актер, поверь мне!

– О, да вы же у нас ценитель искусств, знаток театра и театральной жизни. Так сказать, изнутри. Вы и свою жизнь пожелали сделать красивой пьесой, дорогая? Скажите, это пошлая комедия о безнравственной женщине, которая оставила своего супруга, предпочтя ему жалкого бездарного писаку? – Горшечников казался себе остроумным и даже пытался иронизировать.

– Нет, против моего желания получилась драма, ужасная страшная драма, – серьезно и грустно ответила Софья.

Но этот ответ предназначался не ее супругу.

Глава 7

Софья не кривила душой, когда сказала следователю, что не считает господина Горшечникова своим супругом. Она действительно так искренне полагала. Свой брак с этим человеком она отнесла на счет своего временного умопомешательства на почве величайшего отчаяния и растерянности. Но разве можно объяснить это постороннему человеку, если сама не понимаешь, что происходит вокруг и внутри самой тебя?

Как явился Горшечников в ее жизнь? Да он собственно тут и был рядом, только никогда она не думала о нем серьезно, как о женихе. Вернее, он всегда считался одним из возможных кандидатов, да только шансы его были невелики. Нет, господин Горшечников был вовсе не так плох. По меркам Энска – вполне достойный жених. Денег у него, правда, мало водилось, зато с избытком желания нравиться потенциальным невестам. Кто не жил в маленьком городишке, где всякий друг друга знает и каждый на виду, тот не поймет, каково в подобной ситуации молодым людям и барышням устраивать свою судьбу. Тут даже всякий завалыющийся женишок покажется принцем. А Горшечников не считался завалыющимся. Он тоже служил в гимназии, преподавал словесность, и преподавал весьма успешно. Гимназическое начальство, родители учениц и сами ученицы были весьма довольны. Но так как жалование учителя оставляло желать лучшего, молодому человеку приходилось еще переписывать и составлять разные бумаги для тех, кто не владел слогом или грамотой. Писал он красиво, с размахом, писал так, как бы желал обустроить свою жизнь.

Будучи учителем словесности, Мелентий не чурался слушателей, умел говорить складно, иногда страстно. Следил за модными журналами и пытался следовать тем образам, которые встречались на страницах. Многие считали его модником, многие, но не Софья, которую просто смешили потуги Мелентия сделаться местным лондонским денди.

Справедливости ради стоит заметить, что Софья Алтухова не являлась единственным объектом повышенного внимания учителя Горшечникова. В гимназии образовался небольшой приятельский кружок, и Софья Алтухова являлась центром этого кружка. Помимо упомянутых туда входили еще две особы, племянница директора гимназии Гликерия Евлампьевна Зенцова и вдова учителя математики Калерия Климовна Вешнякова. Обе дамы считали себя искренними подругами Софьи Алтуховой. Дня не проходило, чтобы приятельницы не виделись и не обсуждали городские новости. Гликерия Зенцова была самой молоденькой барышней в компании, а мадам Вешнякова старше своих друзей лет на десять. Раньше госпожа Вешнякова прятельствовала с матерью Софьи, да с теткой Гликерии, женой директора гимназии. А когда те оставили земной мир, ей досталось общество более молодых родственниц своих прежних покойных подруг.

Софья, быть может, и не хотела никакой дружбы, ей вполне доставало милого друга Ангелины, однако та далеко, в Петербурге. А жизнь сироты тяжкая и одинокая. В гимназии нельзя сторониться, надобно к кому-нибудь примкнуть, а то заклюют, изведут потихоньку доброжелательные коллеги и нахальные ученицы. Вот и прибилась девушка к небольшому кружку.

Верховодила в этом сообществе племянница директора Гликерия Зенцова. Невысокая, крепенькая, бойкая, остроглазая, говорливая и громкоголосая. Одевалась госпожа Зенцова ярко и частенько напоминала герань на окошке, которая радуется своей пышной зеленью, розовыми или красными цветами взоры любопытствующих прохожих. Ее родители жили в деревне в собственной усадьбе, там оставались другие братья и сестры Гликерии. Будучи старшей, она скоро поняла, что жизнь в деревенской глуши – это смерть. Откуда тут взяться приличному жениху? К кому она воспылет неземной страстью? А то, что такое случается, она знала наверняка, так как под подушкой всегда держала очередной роман про эту самую страстную любовь. Однажды Гликерии довелось гостить у родного дяди, директора гимназии в Энке.

Городская жизнь, приличное общество, вот что ей предназначено! И девушка поставила своей целью во что бы то ни стало остаться в доме дяди. Когда пришло время возвращаться, подали коляску и собрали коробки, юной барышне вдруг сделалось дурно, она побледнела, зашаталась и упала на руки горничной. Пришлось ее оставить до того времени, пока поправится. Через некоторое время снова ехать, и опять барышня так заболела, что чуть не умерла. Вызванный доктор пребывал в недоумении, однако диагноз поставил точно. Нервная горячка, вызванная отъездом, нельзя везти, не доедет. Тетушка, жена дяди, была очень недовольна. Гостить – это одно дело, а совсем иное, если у тебя на руках оказывается чей-то больной ребенок. Но супруг был непреклонен.

– Помилуй, что скажут в городе, если я выставлю родную племянницу за дверь в таком плачевном состоянии. Пусть остается и живет, пока не поправится.

Через некоторое время за Гликерией прибыла мать, вызванная братом из своей глуши. Но и ей не удалось вернуть дитя в родной дом. По дороге с девицей случился очередной припадок, подобный тем, которые уже были продемонстрированы родне в Энске. Но госпожа Зенцова не была склонна к сентиментальности и мелодраматизму, жизнь в деревне сформировала у нее скорей суровый нрав. Рассерженная мать оставила больную в деревенской избе, отъехав треть пути от Энска.

– Вот что, милая, все это глупости и капризы. Меня ты этим притворством не проймешь. Если ты хочешь разжалобить своего дядю и он готов согласиться осчастливить тебя своей милостью, то пусть так и будет. Но я не желаю участвовать в этом фарсе!

С этими словами добрая мать сделала вид, что покидает дитя. Та не шелохнулась, лишь дрогнула веками. И в итоге осталась одна в крестьянской избе. А на другой день к дому директора гимназии прибыл тарантас. Оттуда, шатаясь, вышла бледная девушка. Тетушка только всплеснула руками. Вот тебе раз! Явилась, не запылилась! Пришлось смириться. Гликерию определили в гимназию, где она стала учиться изо всех сил. Прилежное поведение, безусловное послушание в доме и постоянная услужливость примирили тетюшку с присутствием в доме нежеланного ребенка. Прошло несколько лет, тетюшка умерла, а Гликерия подросла и потихоньку стала выполнять роль хозяйки дома. И дядюшка теперь уж и не мыслил жизни без племянницы.

Одно тревожило директора. Взяв в дом девицу, он брал на себя ответственность и за ее дальнейшую судьбу. А что за судьба для девушки? Удачное замужество. Казалось, племянницу директора гимназии всякий возьмет, ан нет, не случилось пока достойного жениха. То ли сами женихи попадались никудышные, то ли невеста не нравилась. Ведь некоторые считали Гликерию уж слишком бойкой, точно сорока!

Иное дело, госпожа Вешнякова, невысокого роста, томная миловидная дама, с темными кудряшками на голове, загадочной полуулыбкой. Носила Калерия Климовна наряды цвета фуксии, все сиреневое, розовое да лиловое. Она была вхожа в дом директора, так как когда-то в гимназии служил ее покойный супруг. Но когда это было? Ах, так давно, что даже сама Калерия Климовна подзабыла. Иногда она уже и сама не верила, что была замужем, так уж все стерлось из памяти. Но ведь вдова еще молода, в ее возрасте многие вторично составляют приличную партию. Поэтому Калерия Климовна не теряла надежды найти путь к своим затаенным мечтам. На худой конец, если не муж, так хоть любовник, но непременно молодой и горячий! Нет, Калерия Климовна не была ханжой, но свои тайные помыслы она держала при себе.

Итак, получалось, что две девицы – Зенцова и Алтухова, а с ними и вдова мечтали об одном – о любви и счастье. А если его все нет и нет, так уж лучше ждать в компании, чем в глухом и тоскливом одиночестве. К этому очаровательному цветнику и прибился господин Горшечников. А как ему было не прибиться, коли и он был озабочен тем же самым? Вот и образовался милый и тесный кружок. Сообщество по поиску счастья.

Горшечников купался во внимании и чувствовал себя среди милых дам истинным королем. Ему не надо было иметь особой проницательности, чтобы заметить: Гликерия влюблена и готова хоть сейчас под венец. Но и Калерия Климовна томно улыбается и дарит многообещающие взоры. Одна Соня держит себя просто, по-дружески, и не более того. Но именно поэтому ему хотелось добиться ее внимания, а может быть, и чувств. Однако Мелентий боялся сделать неосторожный шаг, жест, взгляд. Не выйдет с Софьей, глядишь, достанется Гликерия. Женишься на Гликерии, не отпугни Калерию, все сгодится. Одна юна и за ней дадут приличные деньги, да и в Энке видная партия – племянница директора. Как он тогда будет вышагивать по гимназическим коридорам! Все недруги прикусят языки! Дети станут как шелковые! Родители согнутся в почтительном поклоне!

Но юность хороша только сама по себе, да и то быстро проходит. А вот есть еще сладкий горячий пирожок. Сочится соком томной неги, манит, зовет, обещает рай земной. Разумеется, Горшечников уже имел представление, что делать с женщиной наедине, и прекрасно понимал, что дама в возрасте приносит иногда гораздо более сильное блаженство, нежели юное неопытное существо. Что же предпочесть?

Золотую середину – Софью Алтухову. И умна, и хороша, да только одна незадача – Горшечников ей как жених совсем не интересен.

И мечтает Соня совсем о другом. Если бы ее кто спросил, как она представляет себе своего возлюбленного, она бы не ответила. Нет, она не думала о его облике внешнем. Скорей о внутреннем его образе, о трепетной и нежной душе, о глубокой и сложной натуре, о неразгаданной тайне. Она часто рисовала в своем сознании картины, как бы могло так случиться, чтобы они встретились. И каким бы предстал перед нею будущий супруг. То были разные картины. Мысленно представляла себе бал в доме Толкушиных, или фойе столичного театра, или просто ясный день и тротуар Невского проспекта.

– Добрый день, сударыня! Дозвольте поднять ваш зонтик... – или что-нибудь в эдаком роде.

Но непременно ей грезился Петербург и непременно столичный господин. Она мысленно разговаривала с ним, смеялась, спорила. И засыпала, убаюканная мечтами. Матрена только качала головой, подслушивая под дверь, не заболела бы деточка головой! А потом истово молилась Господу послать ее королевишне достойного жениха.

Иногда человеческие мечтания, если очень, очень сильно хотеть, начинают обретать реальные черты и воплощаться в жизнь. Желаете необычной любви, встречи со странным, загадочным возлюбленным, чья душа – неразгаданная тайна? Извольте!

Только не пожалейте потом, не раскайтесь, ведь вы сами того пожелали!

Глава 8

Ангелина Петровна, как это часто случается, долго оставалась единственным человеком, не знающим о романе своего мужа с актрисой Кобцевой. Она потом постоянно недоумевала сама на себя и никак не могла взять в толк, почему она была так слепа и глуха, почему ей не казались подозрительными очевидные вещи? Ведь они были так близки, так дружны с Тимофеем! И в какой момент вдруг стало холодать, а потом и образовался лед на их отношениях? Ангелина не находила ответа. Ведь она столько сил положила на то, чтобы сделаться столичной дамой, изысканной и образованной. И ведь ей это почти удалось! Но оказалось, что труды напрасны, что все усилия ни к чему!

Нет, вовсе не в модных платьях дело. Не в манерах и правильно произнесенных французских фразах. Все дело в том, что в душе одного из любящих умирает эта самая любовь. Или же то чувство, которое там прежде пышно цвело, заполонил собою новый, сильный молодой сорняк.

Сын Гриша, которому уже исполнилось двадцать лет, в отличие от матери, был не настолько слеп, чтобы не замечать непристойной ситуации. Но он не смел попрекнуть отца, которого побаивался, и не мог намекнуть матери, которую обожал и боялся оскорбить. От того он мучился и постепенно стал избегать дома, боясь откровенных разговоров. Тем более что и в его жизни появилась нежная привязанность. Гриша влюбился и намеревался свататься.

Нет, что-то все-таки витало в воздухе, какая-то недосказанность, скрытая напряженность, но Ангелина не могла понять, что происходит. Отчего Тимофей такой раздраженный? Не ладятся дела? Но она и раньше не совала нос туда, куда не следует. Может, что-нибудь болит? Но ведь если у Тимоши что болит, так весь дом ходуном ходит. Толкушин часто не приходил домой ночевать, но и на это она старалась найти объяснение. Устал, остался в конторе. Не хотел являться домой навеселе, помнил еще, как была клюкой покойная Устинья Власьевна.

А Толкушин метался, маялся. Белла ворвалась в его жизнь, как весенняя гроза, которая приносит свежий ветер в закрытые наглухо комнаты. По возрасту она годилась ему в дочери. Но это обстоятельство Тимофея Григорьевича совершенно не смущало. Он чувствовал себя, наверное, еще более молодым, чем двадцать лет назад.

Белла появилась в театре, и тотчас же пошли разговоры о ее романе с Нелидовым – автором модных пьес. Ее утвердили на главную роль. Толкушин иногда захаживал на репетиции, и поначалу он присоединился к тем, кто высказывал недоумение. И что это Рандлевский нашел в этой бездарной и вульгарной особе? Но не прошло и недели, как эта особа уже сидела у него на коленях, и он чувствовал себя счастливым и глупым. Его по-детски радовало, что лакомый кусочек достался ему, а не литератору. А может, второй раз жениться? Эта коварная мысль в первый раз посетила его, когда он однажды проснулся не дома, в постели с женой, а на широкой постели с Беллой. И ему смертельно не захотелось уходить. Вот тогда он снял квартиру и почти поселился в ней.

Театр гудел, смаковал новость. Белла стала недостижима для недоброжелателей, и они прикусили злые языки. Рандлевский только усмехался. Ему все равно, чьей любовницей окажется его протеже. Удивительно, но его самого ее прелести не привлекали. Видимо, любовь к театру захватила все его существо. Главное, что эта вульгарная, недалекая, как казалось на первый взгляд, провинциальная актриса идеально подходила под странные мистические роли, сочиненные Нелидовым. Жена Нелидова, Соломея, бывшая доселе непревзойденной примою театра и бесспорной любимицей публики, вдруг померкла и поблекла. Ее звезда стала стремительно угасать, что только подбавило огоньку в театральные сплетни и досужие разговоры. Ведь так сладостно отплясать на теле умирающего льва или в данном случае львицы!

А Толкушин тем временем мучительно искал ответ, как поговорить с женой, как расстаться с ней мирно, без трагедии, слез и истерик? Он был так ослеплен страстью, что совершенно не считал себя виноватым, полагая, что безумная любовь оправдывает любые деяния. И жена должна, просто обязана его понять и простить. Потому что она его любит. Он много раз проговаривал про себя слова, но так и не решался их произнести. Иногда ему казалось, что она вот-вот уже догадается.

Но все оставалось по-прежнему. По-прежнему на него смотрели ясные любящие глаза. И нежный голос с неизменной лаской спрашивал его о чем-то. В какой-то момент Тимофей Григорьевич даже удумал просить сына стать посредником между ним и женой, но вовремя опомнился. В конце концов он решил положиться на волю божью.

Между тем жизнь в доме Толкушиных шла своим чередом. Сын Гриша, единственный наследник, любимец родителей, никак не хотел идти по стопам отца и посвящать себя коммерции. Он пожелал поступить в университет и заняться историей и философией. Поначалу Тимофей Григорьевич раскричался и расшумелся на юношу. А потом отступился и дал согласие, полагая, что университетское образование мальчику не помешает, никуда он не денется, поневоле отцовское дело подхватит. Тем более что вдруг жениться надумал. В такие-то юные годы!

– Ты только подумай, мать, жениться в двадцать лет! Совсем дите, а к венцу! – Тимофей шумел в гостиной скорее так, для вида. Пускай сын женится, Ангелина станет бабушкой, займется невесткой, внуками. И вся ее любовь туда и уйдет. И будет ей не до него, глядишь, и разойдутся потихоньку.

– Да уж лучше пусть женится, – кротко улыбалась жена. – Глядишь, не будет буяннить и куролесить, как ты бывало в молодости!

«Буяннить и куролесить... в молодости! – хмыкнул про себя Тимофей. – Знала бы ты, милая...»

Невесту Гриша нашел себе тоже в купеческой семье. И приглянулась она ему именно потому, что он увидел в ней точную копию матери в юности, как она рассказывала. Такая же скромная улыбка, сдержанные манеры, трогательное выражение чувств. И коса в пол. Как у мамы, только коса Ангелины Петровны уже поредела, и редко сын видел ее распущенной. Все обернутая вокруг головы или убранный в высокую пышную прическу.

Невесту, как и подобает, держали в строгости. Она никогда не оставалась с женихом наедине, всегда принимала молодого человека вместе с матерью. Гриша страдал от невозможности шепнуть девушке ласковое слово и умолил Ангелину Петровну сопровождать его в дом невесты. Теперь Толкушины наносили визиты вдвоем. Мамаши предавались мечтам о близком счастье детей, а молодые в это время могли перемолвиться нежными словами. И обменяться страстными взглядами. Уже листали модные журналы и выбирали фасон свадебного платья, составляли меню свадебного обеда и почти назначили день венчания. Как вдруг грянул гром.

Однажды поутру к Толкушиным явился отец невесты. Ангелина Петровна, не ожидавшая утренних визитов, изумилась и захлопотала. Крикнула горничную подать гостю чаю.

– Полно, матушка, не хлопочи. Не надобно мне чаю, не чай распивать я сюда приехал, по более важному делу. – Гость насупился и присел на край дивана.

Что-то в его интонации насторожило Ангелину Петровну, и тревога закралась в ее душу. Неужто передумали, неужто откажут? Или приданое... Но далее она не успела домыслить.

– Так вот, любезная Ангелина Петровна, я к вам спозаранок по важнейшему делу.

– Важнейшему! – всплеснула руками хозяйка. – А ведь мужа-то нынче дома нет!

От этих слов гость как-то странно усмехнулся и кивнул головой, словно именно этого он и ожидал.

– Так понятно, что нету... – протяжно произнес собеседник. – Оттого я и явился.

Ангелина непонимающе уставилась на него.

– Ты, матушка, Ангелина Петровна, из наших, купеческих. Знаешь, как мы дочек воспитываем, тебя саму отец держал в строгости. Сама сказывала. Потому что мы своему дитю, как истинные христиане, желаем только добра...

– Ну, конечно же, а как же иначе! – пролепетала Ангелина Петровна, все еще не понимая, куда клонит гость.

– И посему никакого блуда, пакости никакой не позволю! Не войдет дочь моя в дом, где не почитаются заповеди Божьи! – вдруг озлясь, вскричал собеседник.

– Батюшка! Господь с тобой! – побелела Толкушина. – Не пойму, о чем ты. Неужто Гриша? Да не мог он, молод, юн. Напраслину возводишь, сударь!

– Нет, Ангелина Петровна! Ты либо или глупа, прости господи, и слепа, как крот, или взаправду ангелам подобна и грязи в собственном доме не видишь! Не о Грише толкую я, а о твоём Тимофее.

– Что о Тимофее? – едва промолвила Ангелина Петровна.

– Вижу я, сударыня, что ты и впрямь ничего не ведаешь. Под носом своим не видишь, что муж твой самый что ни на есть греховодник. Открыто живет с любовницей из театра, и все об этом знают, кроме тебя! Слава богу, и мы с женой теперь знаем, и дочь наша тоже. Поэтому не обессудь, матушка, но сына твоего в нашем доме более видеть не желаем. И нашей дочери он отныне не жених! Не можем мы породниться с бесстыжим греховодником и отдать девочку в семью, где не почитают Господа нашего и открыто попирают заповеди его!

Ангелина Петровна слушала гостя, и в голове ее вдруг наступила полная ясность. Как будто нашлась частичка мозаики, которая до этого затерялась, и картинка не складывалась. Теперь все сложилось, и все нашло свое объяснение.

– Да ты побледнела, голубушка! – Гость с сочувствием посмотрел на Толкушину. Ее истинное горе и подлинное неведение поразили его. – Может, людей позвать, да за доктором послать?

– Да нет уж, доктор мне не поможет, – едва ответила Ангелина Петровна. – Помилуйте, пощадите Гришу, ведь он не виноват! Ведь он любит вашу дочь! Богом клянусь, жизнью своей, что он будет ей верным мужем! – выдавила из себя несчастная мать.

– Э, милая! Не зарекайся! Как говорится, яблоко от яблоньки... Впрочем, толковать мне больше не о чем. Прощайте!

Гость быстрыми шагами направился к двери. Хозяйка смотрела ему вслед, как приговоренный к казни, который узнал приговор. Дойдя до двери, несостоявшийся свояк с чувством произнес:

– Прости, Христа ради, – и с силой закрыл за собой дверь.

Глава 9

Когда снова скрипнула дверь, Ангелина Петровна решила, что гость вернулся, и, вся сжавшись, устремила взор на дверь. Но на пороге стоял муж.

– Ты что так рано вернулся? Забыл что? – стараясь быть спокойной, произнесла Толкушина.

– Как это рано вернулся? – изумился Тимофей Григорьевич. – Да за окном уже темно, вечер.

– Вечер? – протянула супруга глухим голосом. – А мне показалось, что еще день.

– Ты что, мать, не заболела ли? Нет ли у тебя жару да лихорадки?

Супруг подошел к жене и потрогал лоб. Она быстрым движением поймала его руку и прижала к себе.

– Больна я, больна, Тимоша. Вся душа разрывается, горит, силы нет терпеть!

– Так я за доктором пошлю, – искренне забеспокоился Толкушин.

– Нет, нет, Тимошенька! – Ангелина приникла к его руке. – Мне доктора не надо. Ты мой доктор. Одно твое слово, и я спасена. Ведь ты скажешь мне правду?

Она жалобно заглянула в его глаза. У Толкушина замерло сердце. Пробил час расплаты!

– Ведь это все злые наветы, сплетни, ведь нет ничего, правда, Тимошенька, ведь нет никакой женщины из театра в твоей жизни? Ведь нет? – голос Ангелины звенел, и в нем слышалось отчаяние и надвигающаяся буря домашней истерики.

Супруг мягко высвободил ладонь, немного помолчал, набрался духу и произнес:

– Да нет, Ангелина, не хочу терзать тебя обманом, да и себя тоже. Все правда!

– А! – Жена вскинулась, как будто ей всадили нож в грудь. – Правда! Значит, конец! Господи! За что? За что? За то, что я так неистово тебя любила? Жизнь свою, свою молодость тебе отдала? Себя под ноги бросила вам всем, как кусок мяса собакам, тебе, твоей матери! И теперь поди прочь, точно старая животины или ненужная ветошь, хлам!

– Тихо, тихо, Геля! – Тимофей попытался ее приобнять и успокоить. – Что ты, ей-богу, и впрямь, как будто конец света. И вовсе это не конец жизни. И никто тебя никуда не гонит. Живи себе как живешь. Только без меня!

– А без тебя-то мне и не жизнь, Тимоша! Ведь моя жизнь – это ты да Гриша!

– Да что же делать-то, коли не люблю я тебя больше? – зарычал Тимофей, у которого совсем не было никакого терпенья и мягкости, чтобы утешать жену. – Что же мне делать-то? Через силу жить с тобой я более не хочу. Полюбилась мне другая. Всего меня себе забрала, ничегошеньки не оставила. Прости, прости меня!

Он неуклюже повалился на колени перед нею. Ангелина некстати вспомнила медведя в цирке шапито, тот тоже так же пытался встать на коленки перед дрессировщиком, да завалился на бок под хохот публики.

– Прости, милая, прости. Родная! И отпусти. Отпусти меня, Христа ради! Дай уйти!

– Нет! Нет, никогда! Не позволю позора! Не дам имя свое марать! Чтобы надо мной полгорода насмеялось! Нет! Никогда, никогда не дам я тебе развода! Ты мой муж! Ты со мной перед Богом венчался! Ты отец, у тебя взрослый сын!

И тут она осеклась и вся аж затряслась.

– Ведь Грише-то отказали! Отказали из-за твоего греха, твоего позора!

– Полно, дело молодое, перемелется! – хотел отмахнуться Тимофей Григорьевич, кряхтя поднимаясь с колен. Но жена вскочила и вцепилась в отвороты его сюртука.

– Нет, нет, Тимофей, они напрочь нам отказали! Нет теперь у нашего сыночка любимой невесты! Вон нас выставили, да еще с позором! И это твой позор, Тимоша! Стыдно-то как! Ах, как стыдно!

– Господи! Да что же ты как кошка вцепилась в меня! Порвешь! – он с трудом отдирает от себя побелевшие от напряжения пальцы жены.

– Сюртук жалеешь, тряпку! А меня, мою жизнь рвешь пополам! Топчешь без жалости! Они вцепились друг в друга, и им уже было не разойтись.

– Гадкие! Гадкие оба! – вдруг раздался голос.

Толкушины замерли. В комнате стоял Гриша. Вернее, едва стоял на ногах. Он весь трясся от чувств, которые клокотали в его груди.

– Боже мой! Сыночек! – простонала Ангелина. По его лицу она поняла, что Гришу выставили из дома невесты.

– Не надо, маменька! Не подходите ко мне! – прохрипел юноша.

– Но ведь я, ведь я... – мать не знала, что и сказать мальчику в утешенье. Но что бы она ему ни говорила в этот миг, он ее не слышал. Его глодало горе и унижение.

– Оба вы виноваты. Не маленький я: понимаю, что если мужчина перестает любить женщину, то тут есть и ее вина, – бросил юноша несправедливый упрек матери.

– Господи, да как ты смеешь... – Ангелина без сил опустила на стул. Ее сын, ее любовь и надежда, тоже предал ее.

– Однако же отсутствие любви не означает отсутствия ответственности перед семьей, уважения и чести. – Гриша прямо смотрел отцу в глаза.

– Мал еще мне указывать! Поживи с мое! Сопляк! Недорос еще до того, чтобы отец перед тобой ответ держал! Глупый маленький дурень! Выставили тебя, а ты и соплю распустил. Экая невидаль. Девица не досталась! Да таких тыщи, захочешь, любая твоя будет! Ты, с твоими капиталами...

– Мне не нужны ваши капиталы, – медленно и отчетливо произнес сын. – Мне вообще более ничего от вас не надобно. Я не могу больше находиться в этом доме, видеть вас обоих. Вы погубили меня, а ведь я так верил вам обоим, так любил вас! А вы, мои родители, лишили меня всего! Любимой невесты, своей любви! Вы лишили меня семьи! Теперь и денег никаких не надо, на них счастья не купишь. Не купишь новых родителей. И любви! – Гриша захлебывался словами и слезами.

– Гриша, сынок, – у Тимофея от волнения перехватило голос.

Но Гриша стремительно выбежал из комнаты.

Тимофей в отчаянии огляделся вокруг. Жена без чувств лежала на диване, и вокруг, как ему померещилось, громоздились обломки их прежней счастливой жизни.

И все ради нее, ради Изабеллы, ради ее тела, ради ее шальных глаз. Огромная плата, непомерная цена. Но расчетливый купец в душе Толкушина уступил страстному любовнику.

Глава 10

Маленькое сообщество по поиску счастья пришло в величайшее волнение, когда Соня Алтухова в первый раз получила приглашение от своей подруги и благодетельницы погостить в Петербурге. Незадолго до отъезда только и разговоров было, что о столице. И ведь нешуточное дело! Надо гардероб подобрать, чтобы не совсем провинциалкой выглядеть. Тут самое главное не ошибиться с фасонами, не пошить случайно старомодного платья из завалившего журнала. А шляпки? Это просто головная боль! Матрена сбилась с ног, собирая свою любимицу в дорогу.

Подружки Калерия и Гликерия пребывали в нервном возбуждении. Между собой они уже сто раз обмолотили язычками, как несказанно повезло Софье, как несправедливая судьба в лице необразованной миллионщицы обошла их персоны. Чем Софья лучше, они тоже могли давать уроки кому угодно!

Каждый день поодиночке или вместе они навещали подругу, чтобы узнать, как идут приготовления к поездке. А как же иначе, ведь надобно надавать кучу полезных и бесполезных советов и наставлений. Как себя вести со столичными сердцеедами, как расставить сети и изловить богатого жениха, как произвести фурор в столичном обществе и свести всех с ума. Словом, все то, в чем милые дамы совершенно были беспомощны и несведущи, они упорно советовали своей юной подруге.

– Ах, дорогая, как я вам завидую! – вполне искренне созналась директорская племянница. – Я мечтаю о столице, но дядюшка всегда так занят, так занят, что у него совершенно нет времени вывести меня в Петербург.

При этом Гликерия, конечно, умолчала, что жалостливый дядя, стоически взвалив на себя ношу ее воспитания и содержания, категорически отказался тратиться на выезды и балы. Дома еще куда ни шло, но чтобы тратить деньги и ездить в столицу искать женихов? Увольте! Уж как-нибудь да сами образуются. И как Гликерия ни умоляла дядю, он был непреклонен, полагая, что и без того облагодетельствовал племянницу без меры, сделав, по сути, хозяйкой дома и наследницей.

– Я уверена, что, если бы я хоть на минуточку там оказалась, я бы не упустила своего счастья! – продолжала вздыхать Гликерия.

– Ах, милая моя Гликерия! – засмеялась в ответ Софья. – Тебя послушать, так все столичные женихи, молодые и старые, только того и ждут, когда им на глаза попадутся барышни из провинциального городишки, и все они дружной толпой устремятся к нашим ногам! У них там, почитай, своих хватает!

– Как же, хватает! – Гликерия уперлась руками в крутые бока. – А Толкушин-то за невестой куда приехал из Петербурга? То-то! В наш Энск!

– Ангелине просто повезло!

– Так почему же и другим не повезет? – искренне недоумевала Гликерия.

– Повезет не повезет! Вы, дорогая моя Гликерия Евлампьевна, только и мыслите о женихах. Словно в столицу только затем и ехать нужно, чтобы женихов искать, – покачала головой рассудительная Софья.

– Соня, помилуй, а зачем же туда ехать-то, как не за удачной партией?

– К красоте прикоснуться, к величию. К музыке, книгам, театру. К людям интересным. К тому же я еду в дом подруги, которая нуждается в моей помощи и поддержке.

– Ты, Соня, всегда точно не в себе. Только тебе судьба улыбнулась, а ты намерена по сторонам глазеть, по театрам ходить, книжки читать да о чужих заботах думать!

– Гликерия, не шуми! Ведь молодые люди тоже в театр ходят!

– Ну! То-то же! Не зевай! Смотри, все расскажи подробно!

Вернувшись после рождественских каникул домой, Соня оказалась опять в центре всеобщего внимания. Вся гимназия гудела в ожидании рассказов о столичных приключениях, дверь дома Алтуховой не закрывалась. Даже сам директор встретил учительницу в широком коридоре, остановился и ласково поприветствовал:

– Надеюсь, милая Софья Алексеевна, вы хорошо провели праздничные дни в столице империи? – и, выслушав сбивчивый ответ, продолжил: – Вероятно, ваши впечатления не ограничились лицемерием архитектурных красот? Буду рад, коли вы пойдете по стопам своей подруги госпожи Толкушиной и счастливо устроите судьбу за пределами нашего скудного поселения.

Госпоже Вешняковой посчастливилось первой экзаменовать приятельницу. Она недолго слушала отчет о прогулках и красотах Петербурга и нетерпеливо перебила Софью:

– Прекрасно, милочка. Все просто прекрасно! Но только я не пойму, отчего вы умалчиваете о своих новых знакомых?

Что было отвечать бедной Софье? Разумеется, хозяйка дома ввела подругу в круг своих друзей и приятелей, Софья на правах гостя следовала за хозяевами по всем балам и визитам. Лица мелькали перед ее взором, кто-то представлялся, целовал руку, потом следующий, все смешалось в один блестящий вихрь. И только на мгновение память вырвала одно лицо. Яркие пронзительные глаза, полные странной боли, затаенного страдания. Резко очерченный рот, опущенные уголки губ, высокий лоб с небольшой залысиной. Нервные пальцы. Голос отстраненный, мягкий, глубокий.

– Нелидов, литератор.

Она потом еще раз видела его у Толкушиных, но не посмела обратить на себя внимание. Он стоял спиной, к нему подошла высокая, очень худая женщина с черными волосами и что-то говорила громким, ломким голосом. А потом долго смеялась как-то неестественно, резко, неприятно.

– Кто эта дама? – поинтересовалась Софья у Ангелины Петровны.

– Это его жена – Соломея Берг. Примадонна театра, играет во всех его пьесах.

– Как интересно, – кивнула Соня. Хотя ей стало тут же совершенно неинтересно.

– Если хотите, дорогая, мы ходим с вами в театр именно на пьесу Нелидова. Он недавно, как я знаю, стал сотрудничать с театром. Хотя с режиссером Рандлевским они знакомы давно, кажется, даже с юности. Только Феликса Романовича в Петербурге долго не было, вроде бы он жил в Германии, вернулся на родину, поступил в «Белую ротонду» и женился на нашей приме.

– Вот как. – Соня все еще смотрела на Нелидова. Странно, почему он привлек ее внимание, она сама не понимала.

Одним словом, когда Соня вернулась в родной Энс, ей совершенно нечего было рассказывать приятельницам. Дамы выглядели разочарованными.

– Немудрено! Я не удивляюсь, что у Софьи ничего не вышло, – заявила Гликерия, когда они покинули дом Алтуховой и под ручку отправились восвояси. – Она совершенно, совершенно не понимает, как надо жить на свете! Думать о какой-то ерунде! Театр! Архитектура! Помогать подруге! Ах, мне бы такой шанс!

– Да, да, вы правы! – вторила ей Калерия Климовна. – Она поступила неосмотрительно. Неизвестно, пригласят ли ее еще и повторится ли подобное счастье! Уж я бы на ее месте действовала более решительно!

Дамы остановились и посмотрели друг на друга с нежными улыбками.

«Куда тебе, без тебя небось и так в столице вдовиц, пропахших нафталином, пруд пруди!» – подумала Гликерия и ласково взяла приятельницу под руку.

«Уж ты, милочка, лучше бы и не рассуждала про столичных женихов с таким вкусом-то! Как можно думать о столице в такой нелепой шляпке, точно гнездо на голове!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.